

Рос 4-4
1-624

№ 56.

АВГУСТ 1924 года.

Цена 15 центов.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ.

Б.В.

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

инв. 48-1266

СОДЕРЖАНИЕ:

Кровавый юбилей.
Россия и большевизм.
Кое-что о деле народного образования в Сов. России.
Первое Международное Товарищество Рабочих.
Анархизм и этика.
Анархизм и махновщина.
Об анархизме и анархистах в Русской Революции.
Записи тюремные.
Несколько слов.
Отчеты и заявления.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ С 1 ИЮЛЯ ПО 1 АВГ. 1924 Г.

ПРИХОД:

День Рабочей Печати:			
П. Мет-и	5.00, Чик-о	58.25.	Итого — 63.25
За журн. "В":			
Чик-го	—	—	5.00
Н. Бр-ан	—	—	7.50
Мак-к Рок	—	—	22.50
Бал-ре	—	—	28.65
Бр-рт	—	—	3.15
Бр-рт	—	—	25.00
Е. Б-л (в счет числ. д-га)	—	—	3.00
Ф. Си-ы	—	—	1.05
Гр-нт	—	—	4.50
Мон-ад Кан.	—	—	7.50
Мон-ад Кан.	—	—	Итого — 107.85
В фонд:			
А. Сад-й	—	—	1.00
Всег приходу			172.10

РАСХОД:

Выпуск журн. № 55	—	—	159.00
Рассылка	—	—	15.37
Итого расходу			174.37
Приход			172.10
Расход			174.37
Дефицит			2.27
Дефицит с прошлог месяца			35.63
Дефицит на 1-е августа			37.90

К СВЕДЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТОВАРИЩЕЙ.

Так как уже продолжительное время членами Группы Русских Анархистов в Германии состоят т-щи, находящиеся в разных странах, а также в виду того, что в ближайшем будущем большинство членов Группы выезжает из Германии, при чем организационная работа будет продолжаться в прежнем порядке, — Группа на собрании от 3-го июля 1924 г. решила именоваться: "Группа Русских Анархистов За-границей".
С тов. приветом Секретарь.

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ В ЧИКАГО.

Мы находим, что журн. "В." является в настоящее время единственным, который несет свет в трудовые массы и ведет борьбу за полное освобождение всего человечества от всякого неравенства, как политического, так и экономического. Волна, действительно поднимающаяся выше и шире, дабы окончательно подломить подгнившее здание. А для того, чтобы журнал "В." жил и развивался нужна материальная поддержка, для чего чикагская группа и устроила день рабочей печати. Внесли свою лепту следующие товарищи:
По 5 долл.: Н. Г. С., С. В., Н. Г., Л. А. М., С. М., Н. Ш., М. М., и С. Л.; По 2 долл.: Р. П.; По 1 доллару: Д. М., Ф. Г. и Н. М.; По 50 центов: Т. Е. П., А. С. и И. Л. 25 центов. Всего 58 дол. 25 ц.
С тов. приветом Н.

КРОВАВЫЙ ЮБИЛЕЙ.

(К десятилетию объявления войны).

В последний день истекшего июля месяца исполнилось десять лет со дня объявления мировой войны. В эти десять лет рабочие всех стран и всех наречий пережили неслыханные страдания.

В продолжение четырех лет мировой войны убито 13.000.000 человек, а сколько миллионов ранено, изувечено и погибло от голода и нужды — то и не перечсть. Нечислимы и неизмеримы все вызванные войной потери людьми, потери материальные и моральные, и велик и неизгладим вред, нанесенный безумием войны всему человечеству и его прогрессу.

Нанесенные мировой войной глубокие раны еще не зажили, но все это нисколько не мешает воинственным националистам, грабителям-капиталистам и ненасытным империалистам всех стран приняться за подготовку новых интриг и новых кровавых зрелищ.

Мировая война, которая по уверению президента Вильсона велась с целью "уничтожения войны" явилась как бы прелюдией к надвигающимся несомненно еще большим осложнениям и ужасным катастрофам. С самого момента окончания мировой войны Европа и весь остальной мир не знают покоя. Версальский договор не гарантирует мира. Это просто — условия мира, продиктованные странами победительницами побежденной Германии, точно так же, как Брест-Литовский мир продиктован большевикам победительницами Центральными державами.

Вот в этих то "мирных" договорах обыкновенно и таится все причины будущих войн. Занятие Рурской области и вообще беспощадный грабеж Германии странами победительницами настраивает немцев на воинственный лад, подготавливает в них ненависть к угнетающим их странам и возбуждает к реваншу, к мести.

Искусственное создание новых крошечных республик с насильственным включением в них часто чуждых и враждебных этим республикам

национальных меньшинств, захват и порабощение более многочисленными и сильными нациями меньших и слабых, произвольное перекраивание географической карты земли, и, вообще, тысячи других больших и малых причин, явившихся в результате мировой войны не только не разрядили тяжелой атмосферы, но еще более ее сгущили и превратили мир в клокочущий вулкан, готовый разразиться в любую минуту новым ураганом войны при самом незначительном толчке.

Министры и разные политики хлопочут, устраивают конференции, заключают соглашения, но всему этому не придается никакого значения. Происходит бешеная подготовка к войне. Лабористское правительство в Англии строит новые броненосцы, социалистическое правительство Франции увеличивает число подводных лодок и аэропланов, большевицкое правительство в России увеличивает свою миллионную армию, Соед. Штаты строят новые броненосцы, вооружают флот лучшими дальнобойными орудиями. И нет ни одной страны где бы не увеличивали армии и флота, где бы не готовились к новой войне и кровопролитию.

Изыскания в области военной химии в течение последних двух лет привели к открытию новых ядовитых газов и взрывчатых веществ, которые, по своей разрушительной силе, превосходят все до сего времени бывшие нам известными методы истребления людей. Вместе с этим и вооружение воздушного флота приняло гигантские размеры. И все это, конечно, не предвещает ничего хорошего.

Рука об руку с этими приготовлениями к войне происходит усиление националистического духа в отдельных странах. Начинается оно главным образом после провала и полного дискредитирования Русской Революции в глазах мирового пролетариата методами большевизской диктатуры. Отсюда вытекает вся нерешительность

и парализованность действий революционных сил в различных странах. Большевицкая диктатура загнала эти силы в тупик и породила в кругах пролетариата всех стран пассивность и апатию.

Этим состоянием рабочих воспользовались темные силы для укрепления своих реакционных позиций. Так, в Италии появился фашизм, в Германии — движение известное под именем "Германской Народной Партии", в Испании — диктатура Риверы, в Америке — Ку-Клукс-Клан и т. д. и т. п.

Кровавая бойня, начавшаяся в 1914 году, не принесла нам, таким образом, свободы и благосостояния, а усилила реакцию и милитаризм, и поставила рабочих в еще худшие чем до войны условия. Сильно потрясенный капитализм опять встал на ноги и с еще большей жадностью и наглостью эксплуатирует и угнетает рабочих.

Такова картина современного положения трудящихся всего мира.

* * *

Теперь перед нами естественно возникает вопрос — возможно-ли предотвратить грядущее новое, несомненно еще более ужасное, человекоистребление и как это сделать? Мы знаем и видим, что все правительства — буржуазные, социалистические, большевистские, фашистские, монархические и республиканские — больше всего думают о военных приготовлениях, больше всего заботятся и тратят средств на эти приготовления и, очевидно, что все это так будет до тех пор пока будут все эти правительства. Правительствам нужны войны, нужна вооруженная сила не для одной только войны, а еще больше позлащуй для защиты себя и господствующих привилегированных классов.

Можно ли себе представить какое-либо правительство, которое не опиралось бы на солдатские штыки? Что случилось, например, с турецким султаном Абдул-Гамидом, когда армия отказалась ему повиноваться? Все мы знаем, где очутился Николай Романов, когда армия вышла из повиновения ему. И нынешние правители России большевики прекрасно понимают, что стало бы с ними, если бы в одно прекрасное время они очутились бы без своей миллионной армии. И нет такого правительства, которое

могло бы прожить хотя бы один день без армии.

После всего этого нам понятны нежные заботы правительств об армии и все их разговоры о важности "обороны страны". Как не позаботиться о своей собственной шкуре особенно тогда, когда это можно устроить на чужой счет, на счет всего народа страны, на счет его кармана, благосостояния, крови и жизни.

Народ — жертва. Правительства обманывают и обрабатывают, калечат его сизмательства, на школьной скамье, воспитывая послушных правительству лояльных граждан, прививая им военную заразу, бациллы патриотизма, начиняя их разным мусором предрассудков, тщеславия и вражды человека к человеку, одной национальности к другой, настраивая белых против черных, сильных против слабых, менее знающих против более знающих, религиозных против неверующих и т. д. и т. п.

В общем, современный человек в большинстве случаев — одно сплошное недоразумение, какой-то манекен, который движется и действует по знаку дирижерской палочки в руках опекающей его какой-нибудь власти. И самое худшее это не то, что время от времени устраиваются кровавые бойни, а то, что в этих бойнях принимают участие миллионы людей, которые без сопротивления и по одному окрику правительства, как бараны, идут на-зарез и под неприятельские пули.

В антимилитаристской пропаганде нельзя ограничиться одними нападками на милитаристические правительства. Последние всегда будут оставаться тем, чем они есть; они никогда не преемнут случая, что бы не устроить "маленького" кровопролития. Ведь в данном случае кровь то течет не их, а народа и его худосочие и малокровие позлащуй безопаснее для любой власти, нежели избыток сил и энергии.

Задача анархистов в данном случае сводится главным образом к тому, что-бы в теперешнее общество, проникнутое духом воинственного влиять идеи, враждебные милитаризму и порождающим его государственным установлениям, что бы пропагандой антигосударственности и общественного устройства на договорных соглашениях отрывать из-под государственного вли-

яния как отдельных личностей, так и широкие круги рабочих, создавая таким образом в рамках буржуазного общества людей нового типа, нового образа мыслей, людей порывающих с традициями этого общества, мыслящих уже по-анархистски и хотя принадлежащих фактически к старому миру, но своими устремлениями находящихся в мире новом — свободы и безвластия.

Мы не говорим, разумеется, что с уничтожением государственной организации и власти в безвластном обществе люди превратятся в ангелов, перестанут браниться или ссориться между собою. Такого идиллического состояния пожалуй и не будет. Люди останутся людьми с известными индивидуальными недостатками, страстями, причудами, будут пожалуй драки, возможно — убийства. Но все это ведь существует в современном обществе и всех преступлений не могут ни извести, ни предупредить целые армии чиновников, полицейских, судей, шпионов и т. д.

Все это до некоторой степени — естественные явления, свойственные человеческой природе, все это — результат воспитания, влияния окружающей среды, наследственности и иных многочисленных причин и условий психического, физиологического и социального порядка. Некоторые из этих причин конечно устранимы, возможно также благодаря этому и сведение до минимума явлений, именуемых в буржуазном обществе преступлениями. Но все это не настолько важно, как массовое истребление людей, искусственно организуемое и устраниваемое государством.

Война в безгосударственном безвластном обществе немыслима. Свободное общество не нуждается в штыках. Никого в нем не интересует война и об этого рода искусстве совершенно забудут. Все зло и главная причина существования войн заключается в государстве. Пока будет последнее не исчезнут и войны. Под тем или иным предлогом, по тем или иным соображениям, но каждый раз, когда правящая клика захочет втянуть народ в войну — она всегда сможет это сделать.

Народ — что ребенок: его не трудно обмануть снова и снова. Мировая война, конечно, кое чему научила и несколько отбила охоту даже у

людей, зараженных верой в войну. В настоящее время пожалуй не особенно легко и не без риска даже самое прочное правительство могло бы начать войну. Это понимают правительства всех стран и сортов. Война в данный момент в любой стране кончилась бы революцией. И поэтому ее пока бояться начинать, хотя у некоторых милитаристов и очень чешутся руки. Не лезет в драку ни японский микадо, ни большевицкий "генералиссимус" Троцкий. Побавляются за свои головы.

Но пройдут годы, подрастет новое пушечное мясо, которое теперь усердно обрабатывается в государственных школах и опять человечество закружится в вихре военной пляски и оросит своей кровью мать сыру-землю ради интересов кучки капиталистов, во славу своих предводителей и правителей.

Так оно было и так оно будет до тех пор, пока человечество будет подчиняться, признавать и позволять править собою различным политическим партиям, пока горьким опытом оно не придет к сознанию полной бесполезности и вредности для общественного развития всякой власти, всяких правителей.

К такому сознанию человечество приходит, на этот путь толкает его здравый смысл и весь жизненный опыт. Никакое правительство, никакая государственная форма не может гарантировать ему мирного и спокойного существования. Государство это — вооруженный разбойник, который должен угнетать, грабить, воевать и убивать. И всякий человек, надевающий солдатский мундир, превращается в убийцу и разбойника. Всякий человек, занятый производством и снабжением этих людей предметами вооружения, является участником совершаемых этими армиями убийств. Более того, те, кто выделяют амуницию для армии — столько же повинны в этих убийствах как и сами солдаты. Не будь амуниции — не было бы и этих убийств. И вообще все рабочие, мирящиеся с капитализмом, подчиняющиеся какой бы то ни было власти и идущие на разные компромиссы содействуют существованию капитализма, питают его своими соками, помогают утверждению классового господства эксплуататоров и правителей и таким

образом своими же рабочими руками куют самим себе цепи рабства, превращают себя в невольников и данников поработившей их кучки людей.

Борьбу против милитаризма, солдатчины, массового истребления людей на войне и расстрелов в мирное время необходимо вести постоянно и упорно особенно в среде рабочих отравленных духом воинственности, патриотизма и национализма. Всем этим привитым буржуазным воспитанием доблестям надо противопоставить идею священности человеческой личности и жизни, идею преступности и мерзости всякого убийства человека человеком во имя каких бы то ни было целей.

Полный отказ от войны, от какого бы то ни было убийства по приказу какой бы то ни было государственной или общественной власти — вот что должно быть идеалом всего человечества. Отсюда логически уже вытекает остальное поведение антимилитариста: человек, считающий преступлением убийство, очевидно не может принимать участия не только в самом истреблении других людей, но и в подготовке этих убийств хотя бы косвенно, путем, например, производства амуниции и другого военного снаряжения.

* * *

Целые тысячелетия человечество не может избавиться от каннова проклятия — убийства и захлебывается в своей собственной крови. Уже в библейские времена оно задыхалось от этого ужасного преступления и мечтало о том, как бы перековать "мечи на орала". И вот теперь, в XX столетии, оно никак не может выйти из этого заколдованного круга, чтобы претворить в

жизнь великое слово: "не убий". Создаются новые орудия истребления: ядовитые газы, смертоносные лучи, аэропланы, подводные лодки, гигантские броненосцы. Тренируются миллионные армии. И все как бы стремится и направляется к одной цели: кровопролитию, взаимному уничтожению и истреблению людей.

Доколе же этот дух Каннов будет вдохновляющим и преобладающим в человечестве? Наступит ли когда-нибудь такое время, когда люди в самом деле превратятся в человеческие существа и человек перестанет быть убийцей? Где и кто те люди, которые пойдут на смерть и крестные страдания, что бы очеловечить человечество? Что то не слышно голоса народных трибунов, клеймящих этот страшный грех. Молчат алтари и возносят хвалу и курение фимиама нарядившимся в военные доспехи и размахивающим мечом.

Неужели в самом деле: "человек человеку — зверь"? Неужели суждено этому человеку погибнуть от своего собственного безумия, которое все ширится и больше его охватывает? Неужели все еще не достигнут такой предел, когда утомленное и измученное человечество скажет бы себе:

Довольно крови!

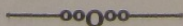
Довольно войн!

Довольно убийств!

И пусть царствуют на земле: Свобода, Мир и Справедливость!

Август 1924 г.

U. S. America.

РОССИЯ И БОЛЬШЕВИЗМ.

Всякие суждения о большевизме кажутся нам в настоящее время несколько странными и неуместными. О большевизме можно было разговаривать только в то время, когда истинная природа его была еще несколько непонятной. Несколько лет тому назад можно было разговаривать также и о самих большевиках. Этих людей не знал никто. Они появились таким образом, как появились некогда в Европе и цыгане:

никто не знал этих людей; никто не видел их переселения в Европу, никто не знал, откуда появились эти люди. Никто не знал их прошлого. И появление в Европе этих вечных кочевников и до сих пор кажется нам какою то тайной и загадкой. Этою же тайною кажется нам в настоящее время и появление большевиков, особенно большевиков российских. Правда, все они уверяют нас, что они существуют уже целых два-

дцать пять лет, но нам что то не верится, чтобы подобные большевики встречались где нибудь в нашем двадцатом столетии. Никто не знал их раньше. Никто не знал их целей и стремлений. И когда они появились в России, они начали уверять людей, что цели их — цели великие и цели благородные. И многие им верили в России. Но жизнь хочет иногда зло посмеяться над людьми. Все это оказалось какой то ужасной пропойной жизни. В конце концов оказалось, что у этих пришедших людей нет никаких целей, нет никаких стремлений, нет никакого человеческого благородства. Россия приняла их как людей, Россия отнеслась к ним в высшей степени по человечески, но они оказались ужасно неблагодарными. Они ограбили Россию, они разрушили ее до основания, они возстановили в ней разные пытки и казни, и основали на ее развалинах свое ужасное антихристово царство. Само собою разумеется, что всякие суждения о большевизме должны казаться после этого каким то историческим анахронизмом. Все эти вопросы выяснены в достаточной степени. И всех этих вопросов не приходилось изучать России: ей пришлось пережить их. И нам, русским людям, кажется сейчас, что в этом отношении не может быть уже никаких споров и разсуждений. Так думают, вероятно, и многие европейцы, которым приходилось жить в России, которым приходилось видеть иногда эту великую Голгофу, это великое лобное место, где происходит истребление целого великого народа. И, видевший эту Голгофу, увидит подлинное лицо большевизма. И он поймет тогда, что это есть не революция, а есть что то другое, чего, быть может, еще и не было в истории. И он поймет тогда, что в этом варварском социализме имеются цели иные — цели ужасные и демонические. Слишком ужасны уж их средства. Являясь верными потомками Лойолы, эти большевики не знают никаких границ в своих кровавых вакханалиях. Безенная разнузданность некоторых римских императоров кажется в данном случае какою то детской забавой, какою то легкой игрою людьми. И всякий искренний и честный человек, увидевший хотя однажды эти зрелища, не будет больше разговаривать о большевизме. Этот человек оденет

рыцарские доспехи, вооружится мечом и копьём и будет очищать землю от этих адских чудовищ и лярв.

Но могут быть, конечно, и другие люди. Есть на земле потомки Кайна и Нуды. И если эти люди хотя однажды видят свое царство, они становятся в тех случаях самыми яркими глашатаями большевизма, они становятся его певцами и герольдами. И, разрывая на себе одежды, они будут клятвою уверять людей, что это есть великое освобождение народов, что это есть свобода и равенство человечества. Само собою разумеется, что они не скажут людям того, что это освобождение есть освобождение от всего; не скажут они людям и того, что это равенство есть равенство в гибели и смерти. Такова истинная природа и большевизского равенства, и большевизского освобождения.

Но есть еще иные люди. Они, быть может, искренно стремятся к лучшему, быть может совершенно искренно они ненавидят всякое насилие и всякую несправедливость. Они готовы преклоняться перед всякой революцией; они, повидимому, думают, что всякая революция есть новый шаг к всеобщей справедливости. Вполне понятно, следовательно, почему они сочувствуют также и большевизму. Но все эти сочувствия — сочувствия бессмысленные. Истинное несчастье этих людей заключается в том, что они не знают подлинного большевизма: они изучают большевизм по большевизским газетам и по всевозможным большевизским декламациям. Но если бы они увидели всю большевизскую действительность, тогда они очевидно поняли бы, что большевизм вызывает в людях не чувства радости и восхищения, а вызывает в них чувства ужаса и отвращения. Тогда они поняли бы, очевидно, что большевизм это есть подлинное безумие. Таких людей в Европе было много. В настоящее же время таких людей уже нет. Имеются либо противники, либо сторонники большевизма. Людей сочувствующих большевизму в Европе уже нет. Таких людей и быть не может.

К числу тех лиц, которые знают большевизм только по газетам, знают его по декламациям различных большевизских болтунов, принадлежит, повидимому, и американец Скотт Нирлинг. Серье-

зные европейские люди не говорят сейчас о большевизме. О большевизме говорят в Европе самые праздные и легкомысленные люди. Говорят о нем также и русские люди. Но эти и не могут молчать: это их болезнь, от которой необходимо так или иначе излечиться. Европа не находит в большевизме ни революции, ни эволюции: она видит в большевизме только какой-то погром. Для русского же человека большевизм является каким-то великим несчастьем, какой-то ужасной социальной катастрофой, каким-то недоразумением истории. Мы знаем, разумеется, что эта катастрофа изживется; русский общественный организм перенесет в конце концов эту ужасную и мучительную болезнь и будет в этом случае и более устойчивым и более здоровым.

Что же касается американцев, то они не знают, очевидно, подлинного большевизма; они не знают, вероятно, и того, что эта социальная болезнь не имеет ничего общего ни с социализмом, ни социальной справедливостью. Это незнание русской действительности и вводит, очевидно, многих из них в какое-то ужасное заблуждение в суждениях о большевизме. И, когда мы знакомимся с мнением Нирина о большевизме, нас очень удивляет то обстоятельство, что люди, не зная положения вещей, не зная и объекта своего суждения, осмеливаются иногда высказать даже открыто со своими мыслями и со своими суждениями *). Сочувствие революциям, сочувствие освобождению человечества — вещь в высшей степени прекрасная и благородная. Но когда люди думают, что всякие погромы, всякие социальные болезни и катастрофы являются действительными революциями, являются некоторыми положительными факторами истории, тогда это сочувствие превращается во что-то неподражаемо-комическое. И эти люди кажутся нам рыцарями благородными, но только самого комического образа. Нельзя ведь в самом деле называть серьезным того человека, который не может разобраться в том, где происходит рево-

люция и где происходит какой-то погром. Все эти люди — очень смешные, конечно. И кажется нам также, что этого не понимает и Ниринг. Он утверждает почему-то, что эта страшная катастрофа, обрушившаяся волею каких-то судеб на Россию, является подлинной революцией, является преддверием социализма.

Ниринг является, повидному, довольно ортодоксальным марксистом. Большевиком для Ниринга есть некая логическая эволюция капитализма. Большевиком для Ниринга — судьба и неизбежность. Экономическая структура общества порождает, по его мнению, и соответствующие политические, моральные, эстетические и правовые формы нашей общественной жизни. И в этой очевидной нелепости грешен, конечно, не один Ниринг. Об этом декламируют все положительно марксисты. Это их символ веры. Но если бы мы согласились с этой точкой зрения, тогда никакое социальное движение в России не нашло бы себе оправдания. И если Ниринг называет большевиком каким-то переходным состоянием, какой-то пре-социалистической эпохой, то с этой точки зрения большевик немислим был бы там даже и в теории. В России не было капитализма. И всякая мечта о возможности осуществления социализма в России должна была бы казаться безумной. С этой точки зрения подобная переходная эпоха была бы возможна только в таких странах, как Англия или Америка. Но все эти марксисты — какие-то странные люди. Разные измышления Маркса, этого удивительного филлистера, они принимают за некоторые универсальные истины и верят в эти измышления несравненно больше, нежели верят католки в свои религиозные догмы. Учение своего Маркса они называют иногда даже какой-то научной системой. Но в самом деле же это учение является только каким-то идеологическим шарлатанством. В еврейской мистике имеется одно оригинальное течение, известное под именем кабалистического. Всякая мистическая система имеет свои недостатки. И эти недостатки заключаются в том, что социальные вопросы не входят большей частью в сферу мистического размышления. Этот недостаток имела также и кабалистическая система. Но, с появлением учения

*) Can the Soviet Idea Take Hold of America, England and France? Bertrand Russel versus Scott Nearing. The League for Public Discussion. New York. 1924.

Маркса, этот пробел был замечательно заполнен. И современные кабалисты могут гордиться сейчас тем, что их мистическая система способна разрешить и социальные вопросы. Ничего другого в этом учении нет.

Ниринг считает, например, что советская форма правления есть совершеннейшая форма переходного состояния общества. "Советская форма правления, — говорит он, — есть форма временная и переходная; советская форма правления есть мост над пропастью между капитализмом и социализмом. Советская форма правления не есть социалистическая или коммунистическая форма. Советская форма правления есть переходная форма". Ниринг считает также, что эта форма есть форма истинно демократическая. Он почему то думает, что все эти советы "избираются трамвайными рабочими, учителями, строительными рабочими и металлистами". Но в этом утверждении кроется, в сущности, только ужасное искажение действительности. Читая большевистские газеты, Ниринг в самом деле вероятно думает, что и в России, так же, как и в Америке, существует какая то выборная система. Но эта выборная система существует только в большевистских газетах. Никакой выборной системы нет в России. В России есть только самая свирепая, самая разнузданная, самая бесконтрольная большевистская диктатура. И вся эта газетная выборная система существует там только для одурачивания многих наивных людей. К числу этих людей принадлежит отчасти и Скотт Ниринг. Ниринг ссылается еще и на следующий девиз: "Не трудящийся да не ест". Но он не знает очевидно того, что этот девиз — девиз фальшивый и лицемерный. Трудящийся голодает в России; он умирает иногда голодной смертью. Опричники, торговцы и властители — имеют все необходимое.

В конце концов Ниринг еще заявляет, что, когда западно-европейский капитализм потерпит некоторое крушение, тогда осуществится подобная форма правления и в Европе. И в этом он находит, очевидно, нечто разумное и вместе с тем необходимое. В этой ужасной социальной катастрофе он очевидно находит какой то прогресс человечества. Но если Ниринг считает все

это прогрессом, какой то неизбежностью истории, то в этом случае возможно говорить уже не о прогрессе человечества, а можно говорить только о смерти его.

Известный английский ученый Берtrand Рассель понимает иначе всю эту русскую действительность. Это и объясняется, быть может, тем, что он однажды был в России и ознакомился, быть может, несколько с этой русской действительностью. Большевизм, по его мнению, есть варварство и деспотизм. И Рассель думает, что этот деспотизм немислим ни в Европе, ни в Америке. Этот деспотизм возможен, по мнению Расселя, только в очень отсталых и некультурных странах, к числу которых Рассель относит и Россию. Большевикское правление в России Рассель сравнивает с правлением Кромвеля в Англии. "В кромвелевской форме правления, — говорит он, — имелось много вещей, которые были типичными и в большевистской революции. Кромвелевская армия называлась Армией Святой; русская же армия названа Армией Красной". "Во главе кромвелевского правления была Пуританская партия; а во главе советского правления находится Коммунистическая партия".

И Рассель вполне прав, конечно, когда говорит, что не может быть и речи о какой бы то ни было демократии в России. Строго говоря, нигде немислима и невозможна чистая демократия. Демократия нет нигде. Демократия это то, чего в действительности нет, чего и быть не может никогда. Демократия это есть миф и абстракция. В действительности может быть либо аристократия, либо охлократия, либо господство лучших, либо господство худших. Это последнее господство и наблюдается сейчас в России; это последнее господство было в России и до революции. Под демократией люди понимают обычно нечто среднее: демократ — это не лучший и не худший. В демократии нет реальности; в ней нет ни формы, ни содержания. Демократия чистое понятие; но образа демократии не имеет. Демократия свойственна мещанству. Мещанство тоже не имеет образа. Мещанин тоже — и не худший, и не лучший. И всякий мещанин — безличен. И никогда в истории не было случая, чтобы демократия была бы какой то реальнос-

ты, была бы каким то живым организмом. Многие социалисты и политики называют демократией разные выборные системы. Но все эти системы, все эти наши парламентаризмы нельзя назвать демократией. Это не демократия. И в этих случаях господствуют либо лучшие, либо худшие. Ничего среднего здесь нет и быть не может. И всякие суждения о демократии являются суждениями праздными. Природа нашего бытия не знает никакой демократии. В природе нет понятий; в природе нет безличного начала. В природе есть образы, личности и реальности. В ней есть либо хорошее, либо дурное. Всякое безличное понятие есть понятие крайней пассивности; всякая же пассивность побеждается началами активными, началами и добрыми и злыми.

В России господствуют худшие. Но это не значит в данном случае, что большевизм принят всем русским народом. Жестоко заблуждается и Россель, когда думает, что большевизм оправдан этим великим народом, и что его существование в России — вполне понятно и возможно. Его нельзя оправдывать в России ни каблистской Маркса, ни некультурностью народа. Об экономическом детерминизме Маркса не может быть и речи в данном случае. Разные измышления какого то немецкого еврея-каблиста нельзя ведь принимать серьезно. С этим согласен и Россель. "Формула Маркса, — говорит Россель, — формула очень простая. Но мир устроен не так просто". Важнейшим фактором нашего социального прогресса является наша духовная жизнь. Сюда относятся, по Росселю, самые разнообразные проявления этой духовной жизни. Религия, мораль, эстетика, философия, право — являются важнейшими основами прогресса. Мы знаем, говорит Россель, что существует громадная разница даже между двумя индивидуальностями: что приемлемо для одной, то неприемлемо для другой. То же самое наблюдается и в жизни целых народов, и в жизни целых наций. И надо быть слепым и дикарем, чтобы не видеть этого великого разнообразия жизни; чтобы не видеть разных целей человечества и разных путей к этим целям. Но ограниченный ум Маркса этого не понимал. Ему хотелось думать, очевидно,

но, что и весь мир является какою то примитивной машиной. Ему хотелось все механизировать. Ему хотелось, может быть, объяснить даже и происхождение человека своим экономическим детерминизмом. Человек Маркса — фаустовский гомункул. Подлинного человека — эту великую онтологическую реальность — Маркс никогда не знал. Этим и объясняется, очевидно, убожество его мысли.

Осуществление в России большевизма объясняется по Росселю, самыми разнообразными причинами: причинами религиозными и историческими, причинами политическими и правовыми. Русская культура является, по его мнению, культурой по преимуществу наследственной. В ней воплотились многие традиции Византии, в ней воплотились традиции Греческой цивилизации, в ней воплотились также и многие традиции Римской Империи. "Русская цивилизация — цивилизация религиозная, цивилизация гонимая, цивилизация централизованная". Русская церковь была слугою государства. "Всякое же подчинение церкви государству свидетельствует о существовании деспотизма". То же самое, говорит Россель, наблюдается и в большевизме. Большевицкий режим представляет собою Государство; Третий Интернационал представляет собою церковь.

Само собою разумеется, что между монархизмом и большевизмом нет, в сущности никакой разницы; природа их — одна и та же. Нет никакой разницы также и между старой церковью и большевицким интернационалом; последний только больше фанатичен. Поэтому Россель и думает, очевидно, что этот восточный деспотизм принял лишь новые формы; и в этой перемене формы деспотизма Россель не видит очевидно никакой трагедии. С одной стороны, это и так, быть может. С другой же стороны, мы видим нечто противоположное. Русский народ не принимает и не оправдывает большевизма. И все эти восточные традиции не живут в русском народе так сильно, как думает об этом Россель. И русская культура не является чисто восточной культурой, она является культурой синтетической; она воплощает в себе и культуру Востока и культуру Запада. И в этом заключается ее подлин-

ная красота. II, когда Россия переживает свою великую катастрофу, ее культура достигнет вероятной тех высот, которые неведомы были ни Греции, ни Египту, ни Риму, ни современной Европе. Россия почти не имеет прошлого. Но будущее принадлежит ей.

Существование большевизма в России нельзя оправдывать ни именем народа, ни именем русской культуры. Утверждать же противоположное — это значит не знать ни того, ни другого. Сам по себе факт существования большевизма еще ничего не доказывает. Природа русского народа — природа свободолюбивая. Такие люди, как Бакунин, Кропоткин и Толстой, почему то еще не родились в Европе. Русский народ, как таковой, никогда не оправдывал деспотизма. Не может он, тем более, оправдывать и большевизма. Русский народ — народ какой то апатичный. Об этом говорит и Россель. Всею Востоку свойственна эта апатия. Это и есть важнейшее условие существования большевизма в России. Наряду с этим, в русской истории никогда не было рыцарства. И рыцарство, как таковое, совсем неизвестно русскому народу. И в этом, с нашей точки зрения, есть величайший недостаток этого народа. Если бы в нем жил рыцарский дух, тогда не могло бы быть никакой речи ни о деспотизме, ни о большевизме. Подлинное рыцарство является передовым отрядом нации. Оно стоит на страже чести человеческой и человеческого достоинства. Душе русского человека свойственна кротость и смирение; этой душе свойственно также и примирение с судьбою. Все это свойственно, впрочем, и всякому другому христианину; все это свойственно и буддисту. Величайшего же завершения человеческая личность достигает только в том случае, когда находят в ней воплощение и начала рыцарские, и начала христианско-буддийские. Рыцарских начал не было в русском народе. Этим и объясняется, главным образом, его примирение со всяким злом, со всяким деспотизмом. Но это примирение со злом не имеет ничего общего ни с оправданием, ни с утверждением зла.

Наряду с этим не надо забывать того, что революция "не делается по заказу"; ни одна революция не может быть продуктом чистого

ума; во всякой революции имеются стихийные начала; они базируются часто на инстинктах. Все это знают разные политики-авантюристы. И все эти авантюристы никогда не взывают к разуму человека; они взывают к его чувствам и страстям. Они обещают человеку то, что ему только нужно; все блага рая они обещают людям. Когда же они достигают своих целей, они устраивают ад для этих легковверных людей. Взамен богатства, роскоши и довольства они приносят людям насмешки, нищету и голод. Все это было и в России. Россия находилась в состоянии войны; хозяйственная жизнь была полуразрушена; в России было всеобщее недовольство. Большевики воспользовались этим состоянием. Они говорили солдатам: вы не хотите воевать? Поддерживайте нас, и мы заключим мир. Солдаты не хотели воевать. Соблазн мира — был слишком великим соблазном. Но эти несчастные солдаты и не подозревали того, что, предоставив власть большевикам, им придется воевать еще больше. Русским крестьянам они говорили: вы хотите отнять землю у помещиков? — Поддерживайте нас; мы предоставим вам всю землю. Но эти крестьяне и не подозревали того, что большевики готовят им голод и нужду. Русским рабочим они говорили: вы хотите лучших условий? Поддерживайте нас и вся наша промышленность будет в вашем распоряжении. И эти рабочие поддерживали их; эти рабочие думали, что с ними разговаривают люди честные и искренние. Русский народ любит честность; ему противно лицемерие, ему противен обман. Народ поверил этим проходивцам и оказался обманутым. И теперь... теперь даже страшно и думать о том, как живут эти крестьяне и рабочие. Городской черни эти большевики говорили: вы хотите получить богатства? — Поддерживайте нас и мы пойдем с вами "грабить награбленное". Такова сущность большевистской "революции". Одних они обманули, других прельстили буржуазными богатствами (деньгами, мягкими постелями, роскошными квартирами и дорогими шубами) и совершили таким образом свою "октябрьскую революцию". Когда же эти проходивцы укрепили несколько свое господство, все они начали просто смеяться над всеми своими

обещаниями. Всех они сделали нищими; к этому они повидимому и стремились. И все дальнейшее господство этих таинственных авантюристов, не имеющих ни родины, ни истории, ни культуры, сводится к каким то оргиям и вакханалиям. Все они оказались простыми ворами, грабителями и убийцами. И если ктонибудь способен видеть в них каких то революционеров, необходимо в этом случае считать таким же революционером и всякого другого уголовного преступника.

И если Россель говорит о том, что большевизм возможен только на Востоке, мы можем согласиться с ним, конечно, в этом отношении. Но он возможен там не как продукт духовного развития народа, а как некая великая социальная катастрофа, как самое ужасное несчастье; он мыслим так, как мыслим и самум в пустыне. Если же кто либо утверждает противоположное, тогда необходимо думать, что история не идет по пути прогресса, а возвращается к варварству, к какому то полуживотному состоянию. И если это так, то не избежать этой печальной участи и всей Европе, которая не оправдывает большевизма для себя, и хочет оправдать его для Востока.

В Европе и Америке не может быть, конечно, большевизма. Эти народы более зрелые политически, Они не позволят, разумеется, разным авантюристам, вора и торговцам так обмануть Европу и Америку, как удалось им обмануть Россию. И они не найдут в этих странах никакой поддержки. И в этих странах этим людям делать нечего. Очень возможно, разумеется, что им удастся еще где нибудь на Востоке обмануть какой нибудь народ, как обманули они и Россию, но надо думать, что всякое господство их будет господством действительно временным.

И если еще в настоящее время, находятся люди, подобные Нириngu и декламируют о всевозможных прелестях советского правления, мы великодушно предоставим этим людям все эти советские идеи, все эти идеи большевистские и будем делать все от себя зависящее, чтобы очистить землю от этого ужасного варварства и злодейства. Пусть себе Ниринг думает, что это есть особый род демократии или особый род социализма. Нам не нужны подобные социализмы. Такой социализм продолжался в России уже больше трех столетий...

Июль, 1924.

Дельта.

КОЕ ЧТО О ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВ. РОССИИ

Навенад.

Большевики, надо им справедливость отдать, очень ловкий народ по части рекламной. Или, вернее, по части саморекламной. Нас бы это, пожалуй, не интересовало особенно. Но, во-первых, эта шумная, барабанная и, часто, бесстыдная самореклама служит временами для затемнения умов многих честных рабочих (особенно, за-границей). Выяснение же истинного положения вещей помогло бы, надо думать, и нашей революционной пропаганде. Во-вторых, ведь дорога-стоющая рекламная шумиха, организованный бойкими представителями русского правительства в Европе и Америке оплачивается не из частных средств Зиновьева, Сталина и еще с ними, а из трудовых копеек эксплуатируемой рабоче-крестьянской России. Мы все зна-

ем, сколько миллионов рублей тратило ежегодно царское правительство на то, чтобы создавать посредством крупной и, конечно, продажной печати благоприятное или, по меньшей мере, нейтральное общественное мнение. В "Humanite", центральном органе франц. ком. партии, недавно печатался целый ряд документов, бесспорно доказывавших, как многие крупные газеты и, более или менее уважаемые журналисты находились на содержании у потрошного правительства Николая Кровавого. Мы ни минуты не сомневаемся в том, что только тогда, когда новая волна воскресшей революции сметет нынешних комсомодержцев и откроет перед нами тайные архивы политического бюро Российской Ком. Партии, мы сумеем подсчитать во сколько дес-

тков и сотен миллионов золотых рублей обошлись трудовой России те господа, которые в разных странах мира работают, не жалея ни глотки, ни чернил, во славу кремлевского правительства. Тогда только трудящиеся России увидят, что их грабили и обирали еще и для того, чтобы представлять в совершенно ложном свете настоящее положение дел в России и, используя отчаянное состояние трудящихся капиталистических стран, с одной стороны, и особенную наглость на наживу многих журналистов, адвокатов и разного рода проходимцев, с другой стороны, путем вспишек, сговоров с реакционным и авантюристическим офицерством и т. п. постараться учинить и над трудовым людом других стран тот же режим кнута, декрета и револьвера, который на дипломатическом языке "научных" марксистов именуется диктатурой пролетариата. Долг каждого из нас, борцов Соц. Революции, показывать всему рабочему миру подлинное положение дел в России и беспощадно срывать маску архи-революционности, под которой, большей частью, скрывается темный лик будущих эксплуататоров трудящихся масс.

Большевики часто и охотно похваляются постановкой дела народного образования в России. Некоторые из них, не в меру рыльные поклонники считают даже возможным ставить Россию в качестве образца, когда только заходит речь о трудовой школе, о библиотечной работе и т. д. Мне лично пришлось недавно в Берлине на многочленном собрании "Союза школьных реформаторов" выслушивать доклад одного немецкого коммуниста о том, как великолепно обставлена народная школа в России, как много внимания и любви ком. начальство уделяет делу народного образования, как нагло врут белогвардейцы, когда они заявляют о десятках тысяч беспризорных детей, страдающих под правлением г. Луначарского (российск. министра народ. просвещения) и т. д. и т. п.

Если мы считаем нужным сейчас, хоть и в краткой статье, затронуть этот вопрос, мы это конечно делаем не для того, чтобы разоблачать большевицкое правительство. Об этом пришлось бы писать целые тома. Если даже пожелать ограничиться только описанием маниакально-де-

кретного, изуверски-дикого хозяйничанья большевиков в одной только области народного образования и то бы потребовалось для этого гораздо больше времени и места. Ведь один только малюсенький факт (засвидетельствованный недавно в Моск. "Правде" самой госпожой Круле-кой) приказ об изъятии из библиотек вредных книг, среди которых фигурируют некоторые творения Достоевского, Толстого, Кропоткина, Ницше и других, — один только этот факт, повторю, чрезвычайно характерен для убожества духа нынешних правителей России. Но бог с ними, с большевиками. Рано или поздно (надеюсь, что скорее рано, чем поздно) волна народной стихии сметет их, как вредную накипь, с лица русской действительности. Нас интересует другой, во сто крат важнее, вопрос.

Мы знаем, что подлинная трудовая революция находится в, более или менее, прямой зависимости не только от степени организованности и сплоченности трудящихся городов и деревень, но и от степени их культуры. Нашу, рабочую революцию будем делать мы, рабочие умственного и ручного труда и поэтому мы обязаны сейчас же уделять как можно больше внимания учету наших культурных богатств и поднятию духовного уровня нашего и наших братьев по труду. Замечу кстати, что не выходя в мирно-обновленческую, эволюционистско-меньшевицкую лужку культуртрегерства, мы можем и должны освободиться от дешевой пусто-звонкой и, подчас, вредной "революционной" (а, по сути своему, мещанской и реакционной) фразеологии все-разрушителей и сгерж-отрицателей. На наших съездах, на съездах пролетариев города и деревни, мы в первую голову должны поставить деловую и детальную разработку вопросов трудовой школы, внешкольного образования (библиотеки, школы взрослых, читальни, рев. пропаганда), поднятия профессионального образования и так далее. Конечно, власть и капитал имеющие нам будут всячески мешать. Конечно нам будут без конца ставить палки в колеса. Но ведь и революцию нам не "позволят" сделать. К сожалению, наши классовые враги толстовскими идеями ничуть не увлекаются. Они зубами и ногами будут защищать свои привилегии, свои "свя-

ценные" права собственности и власти. И несмотря на отчаянное сопротивление наших поработителей и эксплуататоров мы революцию совершим, мы уничтожим строй эксплуатации человека человеком. Будем же без устали работать для этой, достойной всяких жертв, цели. Постараемся улучшить и усовершенствовать наши орудия борьбы. Пусть каждый из нас помнит, что чем ниже уровень духовной культуры и сознательности трудящихся масс, тем больше шансов у наших врагов на успех, тем дальше мы от нашей цели, от духовной и социальной революции.

Присмотримся сейчас, как обстоит дело народного образования в России. При чем должен оговориться, что на сей раз, буду пользоваться исключительно данными казенной "Правды", центр. органа российск. комму. партии.

Дело народного образования в Сов. России, несмотря, или вернее, благодаря усиленным и неослабным попечениям ком. начальства стоит из рук вон плохо. Работники нар. образования (в особенности, сельские учителя и преподаватели городских средних и низших школ) обречены на полуголодное существование. В ст. "О школьном учителе и советской машинистке" ("Правда", № 84 от 12-го апреля с. г.) мы читаем:

"Высококвалифицированный педагог получает меньше советской машинистки. Нужны срочные меры".

(разрядка автора статьи)

Следуют некоторые факты (необходимо подчеркнуть, что факты могли бы быть приведены более возмутительные и характерные, но ведь это писано в казенной газете своим же человеком):

"Факт первый, захудалая машинистка в некоторых наших хозяйственных главках получает 10—12 червонцев, высококвалифицированный педагог с университетским образованием, работающий в школе 2-й ступени, получает три червонца.

Факт второй: инженер-практик, работающий хотя бы в почтенном "Электрострое", получает 50—80 червонцев, а профессор МВТУ, приготовивший этого инженера, получает 5—7 червонцев в месяц".

И еще:

"На делегатском собрании работников просвещения

Гаузмского района от 3 апреля 1924 г., по докладу члена Моссовета тов. Попова о работе секции МОНО, было подано несколько оригинальных записок, очень ярко характеризующих отношение учительства к вопросу оплаты труда.

"Известно ли Моссовету, что мы живем в самых скотских условиях благодаря низкой оплате труда, — пишет одна учительница.

"Я представлял в домком три удостоверения с места службы о норме заработной, а председатель домкома не верит, говорит — я не слышал, чтобы были где-нибудь такие ставки", — так заявляет под смех и аплодисменты всего зала работник детского дома".

В "Правде" от 16-го мая с. г. мы узнаем, следующее:

"Но низкая заработная плата — не единственная беда научных работников. Возьмем жилищный вопрос. При пере выборах в жилищные товарищества около 300 научных работников в Москве вопреки конституции, вопреки инструкции были приравнены к нетрудовому элементу и лишались избирательных прав; потом они восстанавливались, но уже после выборов".

Вполне естественно, что —

"Мизерная зарплата привела к широкому распространению совместительства педагогов и это, во-первых, сразу же губительно отразилось на методике работы, а, во-вторых, повело к массовой заболелости и в конечном счете преждевременной инвазии педагогов.

Педагог, дающий по 10 — 12 академических часов в день, благодаря совместительству, через год превращается в неврастеника, теряет голос, получает малокровие и в конце концов неизбежный туберкулез.

В марте с. г. МОНО, по соглашению с губприсом, издал циркуляр, воспрещающий педагогам совместительство, и создает специальную комиссию для проверки совмещений. Мету эту как с точки зрения сохранения здоровья педагогов, так и с точки зрения борьбы с безработицей нельзя не приветствовать, но это ухудшит материальное положение педагогов. А где же выход?

Выхода нет..."

К такому мало-утешительному выводу приходит автор статьи. И заметьте, что так обстоит дело не в какой-нибудь Чухломе, а в "красной" Москве, недалеко от МОНО (Моск. Отдела Народного Образования), под носом просвещенного болтуна по народному образованию и сверхспеца по театральным делам, г. Луначарского!

Но г. Дуначарский занятый человек. Он пишет драмы и комедии попеременно с декретами, он печется о балете, о комбузах (ком. высших учебных заведениях), о мировой диктатуре пролетариата и тому подобных важных материях. А пока что, при теперешнем "положении с оплатой труда учитель не имеет возможности удовлетворить даже самые "ударные" потребности, не говоря уже о потребностях духовного порядка". И, конечно, неудивительно, что —

"...из лагеря просвещенцев началось массовое дезертирство; бегут наименее идейно выдержанные (иногда очень талантливые и с большим стажем) педагоги.

Переходят в другие союзы, поступают на конторскую и иную работу, превращаются в репетиторов и т. д.

И так мы стоим перед фактом назревающего кризиса в области школьного дела".

При таком положении дел только бессовестные демагоги могут еще нам твердить о новых методах преподавания, о трудовой школе и пролетарской культуре...

Еще хуже обстоит дело в деревне. Так в ст. Н. Понурова в "Правде" № 102 (от 8 мая 1924) мы читаем:

"Сельская школа. Работает совсем плохо. Она пока еще не смогла приостановить процесс роста безграмотных. Отсутствует основная материальная предпосылка учебн.: книжка, грифель, аспидная доска (грифель и аспидная доска — это основа основ начального обучения!), карандаш, бумага".

"Материальная необеспеченность учителя — вторая, не менее важная причина плохого положения деревенской школы. Учитель вынужден искать приработка на стороне в прямой ущерб учебной работе. Он лишен возможности выписать газету, журнал, книгу. Он отстаёт от темпа жизни, тупеет".

В небольшой статье Н. Соминского ("Правда", № 61 от 15—III—24) "О сельском учителе" мы находим целый ряд очень интересных данных обследования членок союза работников просвещения в 3-х волостях Ланшевского кантона Татареспублики:

"Прежде всего о материальном положении учителей. Средняя ставка — 10 черв. рублей, но выплачивается она с громадными задержками. Так за октябрь жалование получено в конце ноября, за ноябрь — в начале января, за декабрь — в конце января, а об январ-

ском жаловании к моменту обследования (конец февраля) еще не было ни слова, ни духа. Скалько учителя теряют на падении ценности совнаков показывает следующий факт: со дня получения жалования в кантоне до дня, когда работники получали возможность его потратить, то-есть до ближайшего базарного дня, прошло 12 дней, во время которых курс червонца возрос на 33 процента".

В условиях полуголодного существования, в ужасающей, порой, обстановке деревенской дикости и невежества, понукаемое ком. начальством (в лице отд. народ. образования, вол. исполкомщиков и, часто, даже комсомола — коммун. союза молодежи), без книг, без необходимых пособий, при довольно низком культурном уровне, — пролетариям умственного труда приходится работать в деревне. Мы все знаем, что при царизме сельская школа никогда в блестящем положении не была. Октябрьская революция, глубоко всколыхнув многомиллионные народные массы, произвела, без сомнения, крупный перелом в деле нар. образования. Автору этих строк во время его работы по делу нар. образования на Урале, в Сибири и на Украине зачастую приходилось наблюдать с большим радостным волнением, какой великий, можно без преувеличения сказать, внутренний сдвиг произошел в крестьянской гуще и, особенно, в среде деревенских работников просвещения. Все же приходится констатировать, что до сих пор в деле народного образования чрезвычайно мало сделано. И сельская школа (в крестьянской-то России!) до сих пор еще на положении пасынка. Примеров этому я мог бы привести целый ворох. Ограничусь лишь двумя-тремя. Так из ст. Н. Шполянского ("Правда", № 102) мы узнаем, что —

"...в Калуге с апреля месяца фонд заработной платы работникам просвещения уменьшен с 11.500 до 3.800 рублей, т. е. на 67 процентов и перед Губери. Отделом Нар. Образования стоит вопрос о массовом сокращении школ".

Факт № 2. В Камышинском уезде вынесено "решение о жестокое сокращении расходов, причем сокращение на заработную плату по отдельным ведомствам выражается в следующих цифрах:

Управленческий аппарат:

Здравотдел и Коммуналдел на 25 проц.
Милиция — — — на 35 проц.
Наробраз — — — на 75 проц.

Эти цифры красноречивее всего говорят нам о том, кто ближе всего сердцу наших "рабоче-крестьянских" правителей. Милиция, хранительница советского правопорядка сокращается на 35 %. (И надо отметить, что в "жестокое сокращений расходов" мы что то не применили сокращений по... комохранке — Г. П. У.) Н. Шполянский меланхолично и сдержанно жалуется:

"Управленческий аппарат с "советскими машинистками" сокращается на 25 процентов, а учительство на 75 процентов. В результате такого сокращения из 500 работающих учителей на остающиеся средства можно будет содержать только 95 работников, при заработной плате в 16 руб. 80 коп., а до 400 работников выбрасываются на улицу, при чем выбрасываются в конце учебного года после того, когда учителя при пищенской заработной плате довели все-таки работу в школе до конца года.

Положение учительства фактически до сих пор не только не улучшалось, а ухудшалось.

Еще один факт. Телеграмма из Глазовского союза рабпрос (Вотской области) от 17 апреля гласит: "отсутствием средств постановлением пленума исполкома закрыты 15 апреля все школы и политехсовет, учреждения города, уезда, увольнением 300 школьных работников. Остаются один детдома".

Между тем, проклятое наследие прошлого (антисемитизм, религиозные и иные предрассудки) берет часто верх даже в городской школе. Деревней упорно и неуклонно (как мы это постараясь доказать в другом очерке) овладевает "кулак" — деревенский буржуа. Деревня вновь попадает в кабалу к кулаку, кабатчику и попу. Для иллюстрации приведу следующую краткую, но жуткую телеграмму ("Правда", № 106):

"1.800.000 ПУД. ХЛЕБА НА САМОГОН.

КРАСНОУРСК, 10 мая. В Енисейской губернии широко распространялась выгонка самогона. Милицией отобраны тысячи самогонных аппаратов, однако, это не сокращает самогонного "промысла". По сведениям губисполкома, в губернии за год на выгонку самогона израсходовано 1.800.000 пуд. хлеба. В царское время в губернии потреблялась водки в год на сумму около 7.000.000 руб., вырабатываемое теперь количество са-

могона оценивается в 6 с лишним миллионов рублей. Наблюдается случаи широкой постанковки "самогонного производства", когда кулаки для выгонки самогона нанимают батраков".

Забитая и невежественная (в Сов. России, по словам "самого" Зиновьева, неграмотность достигает 70-ти процентов!), самогоном опаиваемая, кулаком и ком. начальством управляемая, наша страна и теперь, как и семь лет тому назад и, пожалуй, как и 70 лет тому назад, тонет во мраке. В "Правде" от 8-го мая с. г. мы находим следующее довольно откровенное заявление:

"Культурный уровень рабочего класса за эти годы вырос. Это факт бесспорный. Культурный уровень крестьянства за эти же революционные годы понизился. Это тоже факт".

Между тем, ком. начальство не дремлет. Нудно и рабски твердят о "заветах Ленина", вырабатываются резолюции. И льются речи без конца об "основах ленинизма", о роте влияния ком. партии и т. д. и т. п. Между тем, в "Правде", № 110 (17—V—24) мы находим следующее:

"СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА УЧАЩИХСЯ В ВУЗАХ РСФСР.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА РСФСР.

В виду чрезмерного переполнения высших учебных заведений РСФСР и невозможности обеспечить нормальный ход учебной работы, особенно в отношении пользования учебно-вспомогательными учреждениями, а так же в виду невозможности для республики использовать все количество окончивающих студентов различных категорий по их специальностям в ближайшие годы, — Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет:

1. Поручить Наркомпросу сократить общее наличное количество учащихся в вузах РСФСР.
2. Означенное сокращение произвести до окончания текущего учебного года".

Оказывается, мы так богаты в культурном отношении, что можем позволить себе роскошь сокращения высших учебных заведений! На содержание империалистической "красной" армии у русских рабочих и крестьян выжимают не малую толику. Госполитуправление (ком. охранка) поглощает тоже не один десяток миллионов из народной казны. Необходимо еще подчерк-

нута, что рос. ком. партия, нагло хозяйничает над рабоче-крестьянской Россией, ежегодно тратит громадные суммы денег (не поддающиеся пока учету) на "предмет мировой революции" или, проще говоря, на содержание громадной армии ловких дельцов от политики, специалистов по части вспыскушательства и прочих представителей Ком. Профинтерна. Без преувеличения можно сказать, что большинство (если не все) коммуни. партии Европы и Америки находится, более или менее, на изживении Кремля. Это факт неоспоримый. В то же время, "первая в мире социалистическая советская республика" прямо задыхается от "тщмы власти — наверху и власти тщмы — внизу"...

* * *

Мы уже указали в начале нашего краткого и далеко не исчерпывающего вопроса очерка, что мы меньше всего задались целью разоблачать или обвинять только большевиков. Никакой здравомыслящий человек не захочет во всех тех безобразиях, что творятся сейчас в Сов. России, обвинять только рос. "коммун." партию. Конечно, вина этой партии велика. Конечно, бездушный бюрократизм, удушение революционной самостоятельности масс, кровавая диктатура над рабоче-крестьянским людом — все это никогда нельзя будет простить нынешним правительствам Союза Сов. Социал. республик. Чтобы быть справедливыми, мы обязаны принять во внимание, что революция получила проклятое наследие Романовского и помещичьего владычества (поголовную, почти, безграмотность, разрушенное хозяйство страны и т. д.). Многие необходимо отнести на счет империалистической войны-бойни и на счет неизбежных в каждой коренной революции, гражданских войн, блокады и т. д.

Мы сейчас интересуемся не вопросом отыскания виновных, а, прежде и больше всего, возможностями грядущей Социальной Революции и ее шансами на успех. Не впадая в бесплодное уныние, мы должны спокойно, трезво и всесторонне обсудить настоящее положение дел в России, учесть объективные данные, подвести некоторые итоги и сделать некоторые конкретные и ясные выводы. Вывод первый. **Страшнейший очаг настоящей реакции кроется не в жалкой ку-**

чке разных живоглофов, генералов, бывших помещиков и прочих погромщиков, даже не в ныне царствующей, партии большевиков, а в нашей почти поголовной невежественности и дикости. Отсюда — наше неумение объединяться в свои рабочие и крестьянские организации, которые бы делали наше, кровное дело. Отсюда — наша лень и косность, наши подсознательные или "сознательные" упования на "доброе барина", который "все рассудит", на Учредилку, на "настоящую рабочую власть" и т. д. Упорная борьба с политической и иной безграмотностью, — лучший способ борьбы с реакцией во всех ее видах и окрасках, вернейший способ уничтожения эксплуатации человека человеком.

Вывод второй. Большое внимание мы обязаны уделить организации работников просвещения в городе и, в особенности, в деревне. Нам легко доказать этим пролетариям умственного труда, что их интересы вполне тождественны с интересами работников фабрик и полей. На конкретных и ярких примерах повседневной жизни мы им сумеем доказать, что государство (будь оно Муссолиниевским, Макдональдовским или Ленинским) всегда будет стремиться обратить их в послушных чиновников, всегда будет упорно мешать их творческой самостоятельности. Каждый работник просвещения, каждый сельский учитель, каждый библиотечный работник должен проникнуться мыслью, что его путь это — вместе с нами, вместе с рабочими и крестьянскими организациями и объединениями, которые помимо и против власти строят свое будущее в повседневной работе — борьбе.

Вывод третий. Мы должны усилить нашу культурно-революционную работу среди молодежи. В огне войн и революции подросло новое поколение, мягущееся, пишущее и, в сущности, революционное. Мы должны доказать молодежи, что, прикрываясь лицемерно фигурными листочками революционных фраз, ком. государство не заботится вовсе о подлинных интересах подрастающего поколения, а старается использовать его для своих целей. Государству, всегда и везде, нужны лишь солдаты и законопослушные граждане. Школы, казармы и тюрьмы — вот те орудия, которыми пользуется государство, для

упрочения и увековечения своей власти. Вместе с нами молодежь будет бороться за высвобождение школы из под давящей опеки государства, за уничтожение казарм и тюрем. Сугубое внимание товарищи должны уделить тяжелой и ответственной работе в деревне. Особенно среди крестьянской молодежи. Деревенские союзы коммунистической молодежи (комсомол) до сих пор еще, в большинстве случаев, являются очагами, далеко не всегда сознательной, революционной энергии. Нам кажется, что еще не удалось Р.

К. Партии их "переварить", неоправимо извратить и обратить в бездушных чиновников. Поэтому, нам никоим образом нельзя махнуть на них рукой, а, наоборот, где только возможно, мы должны помочь им в их смутных исканиях, мы должны зажечь их сердца верой в необходимость и возможность переустройства общества на иных, более человеческих, трудовых и безвластных началах..

Берлин, 27 мая 1924 г.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Окончание).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В АНГИИ.

В 1865-м году Шеффилдская конференция делегатов рабочих союзов настоятельно рекомендовала рабочим союзам присоединиться к Интернационалу: — "Эта конференция, справедливо оценивая усилия, проявленные Международным Товариществом Рабочих для объединения в братской связи рабочих всех стран, очень серьезно рекомендует всем рабочим союзам примкнуть к этому Товариществу в уверенности, что Международное Товарищество образует необходимый элемент прогресса и благосостояния всей массы рабочих".

В период между Женевским и Лозаннским конгрессом в Англии вносили взносы в кассу Интернационала — немецкий образовательный союз, Французская ветвь в Лондоне, центральная секция польских изгнанных в Лондоне и 29 рабочих союзов.

30-го августа 1869 года Бирмингемский конгресс тред-юнионов постановил: "...так как Международное Товарищество Рабочих пытается консолидировать и комбинировать интересы рабочих масс, которые везде являются одинаковыми, конгресс горячо рекомендует это Товарищество всем рабочим Соединенного Королевства и

специально всем организациям рабочих и побуждает их слиться с этим обществом, веря к тому же, что реализация принципов установит на земле вечный мир". По всему было видно, что Англия с ее крепким капитализмом должна была дать наиболее мощные кадры для Интернационала. Не говоря о таком заметном тяготении к Интернационалу, которое сказалось на конгрессах рабочих союзов, отметим, что, не смотря на то, что в Главном Совете были вожди этих союзов, что говоря словами Некка "Генеральный (т. е. Главный) Совет противодействовал учреждению английского федерального Совета, пока Карл Маркс верил в возможность великой европейской революции и сам был для Англии Федеральным Советом", — дела Интернационала шли в Англии более чем плохо.

К. Маркс, игравший роль маленького диктатора не в Интернационале, а в Главном Совете, враждебным образом держал себя по отношению к английским членам Совета и отбил у них охоту работать для Международного Товарищества.

Английские рабочие не были бакунистами и все таки К. Маркс не мог не затеять против них похода. Он говорил о них на Гаагском собрании, (цитирую, во избежание упрека в не-

точности передачи слов Маркса, по книге его сторонника Пекка), что каждый "признанный" вождем рабочих состоит на жалованьи у Гладстона, Морлея, Дилька и компании", называя английских рабочих членов Главного Совета "интриганами" рабочего класса, которые хотят попасть в парламент и ждут только предложения, чтобы примкнуть к либералам", он называл их в письме к Энгельсу паршивыми свиньями и, конечно, с таким человеком работа не налаживалась и английские вожди рабочих союзов уходили из Главного Совета.

За все время пребывания Главного Совета в Лондоне, как его членам, так и вождям этого Совета не удалось познакомить английский рабочий класс с идеями Интернационала. Вожди Главного Совета были заняты политической деятельностью и борьбою с анархическим течением в Интернационале, а англичане, — члены этого Совета — едва ли не рассматривали Интернационал, как учреждение, которое должно всячески поддерживать забастовочное движение разных стран и не более этого.

В Англии деятельность Главного Совета, в его роли федерального Совета сводилась к чисто буржуазной деятельности *).

В докладе Главного Совета Брюссельскому конгрессу, между прочим, значилось: — "приготовление к ближайшей избирательной кампании, поглотив большую часть наших сил, замедлило, некоторым образом, нашу пропаганду".

В Англии едва ли что пропагандировалось левее идей левой буржуазии и, вместо широкой пропаганды социализма, Маркс задался не серьезной, несколько даже странной задачей, о которой он пресерьезно пишет в письме к Мейеру и Фогту от 9-го апреля 1870 года: — "1-го декабря 1869 года Генеральный (Главный) Совет издал тайный, составленный мною на французском языке циркуляр (для влияния на Англию имеют значение только французские, а не немецкие газеты) о связи ирландской националь-

ной борьбы с эмансипацией рабочего класса и о вытекающем отсюда отношении Международной Ассоциации Рабочих к ирландскому вопросу. Метрополия капитала, господствующая теперь на мировом рынке сила, — Англия является самой важной в настоящее время страной пролетарской революции, единственной к тому же страной, в которой до известной степени созрели материальные предпосылки этой революции **). Поэтому, важнейшая задача Международной Ассоциации Рабочих — ускорить социальную революцию в Англии. Единственным средством ее ускорить — сделать Ирландию независимой. Отсюда вытекает задача Интернационала повсюду выдвигать на первый план конфликт, существующий между Англией и Ирландией. Повсюду становиться на сторону Ирландии. Специальная задача Главного Совета в Лондоне — пробуждать в английском рабочем классе сознание, что освобождение Ирландии не есть вопрос абстрактной справедливости и человеколюбия, а основное условие их собственного социального освобождения".

Конечно, из этого наивного плана ровно ничего не вышло, но важно, что Главный Совет занимался в Англии не пропагандой социалистических идей, а ирландскими делами.

Отметим далее, что в Шотландии была одна секция Интернационала, что в Ирландии было несколько секций.

В конце 1871-го года организовалась отдельная от Главного Совета английская федерация со своим Советом во главе.

В июне 1873-го года в Манчестере собрался английский конгресс немногочисленных сторонников Маркса, но уже в следующем году в Англии не существовало марксистской ветви Интернационала, а скоро исчезли и последние его секции.

Не смотря на крайне благоприятные условия для развития Интернационала в Англии, не смотря на тяготение к нему рабочих, бездарное поведение Главного Совета сильно содействовало приостановке, а затем и гибели Интернационального движения в этой стране.

Только в последнее, перед великой войной, время в этой стране стало заметно отражение (через революционный синдикализм) влияния

*) Главный Совет забавлялся участием в агитации буржуазной Лиги в пользу избирательной реформы.

**) Все эти фразы были, конечно, глубоко несерьезны.

идей Интернационала, создавшее так называемый промышленный юнионизм.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ В С. АМЕРИКЕ.

В 1866-м году Балтиморский конгресс рабочих союзов поручил исполнительной комиссии Национального Союза Рабочих послать делегатов на конгресс Международного Товарищества Рабочих (Лозанский).

Это постановление не было выполнено, вернее всего потому, что Главный Совет Интернационала не сумел связаться с национальным союзом американских рабочих.

Вообще Главный Совет не сумел углубить и усилить начавшееся тяготение рабочих к Интернационалу и Международное Товарищество никогда не было сильно в Америке.

На Базельском конгрессе Международного Товарищества Рабочих присутствовал Камерон, в качестве делегата национального рабочего союза в Соединенных Штатах и рабочего конгресса в Филадельфии. Номинально он был представителем 800.000 рабочих, но эти рабочие едва ли даже имели представление об Интернационале и, конечно, не было никаких оснований говорить о присоединении этих рабочих к Международному Товариществу.

В 1869—70 годах секции Интернационала появляются в Америке среди эмигрантов Европы. В декабре 1870 года организовался в С. А. Штатах центральный комитет Международного Товарищества Рабочих. В сентябре 1871-го года в Америке насчитывалась 21 секция.

19-го ноября центральный Комитет был распущен и образовались два Федеральные совета: **Spring Street** и **Tenth Ward Hotel**.

5-го мая 1872-го года 40 американских секций послали делегатов в **Spring Street** и 10 в **Tenth Ward Hotel**.

Spring Street собирал большие митинги и присыл политиканов не приходило на них.

Оба федеральных совета собирали свои конгрессы, но здесь трудно указать что либо интересное и сильное. Отметим только постановление **Tenth Ward Hotel**, по которому каждая секция Интернационала должна была состоять по

крайней мере из две трети из рабочих.

В 1873 году Главный Совет попытался взять на себя функции федерального совета, но последний отказался выдать ему акты и деньги.

Еще в 1874 году к Интернационалу присоединялись в С. Америке рабочие, но в 1876 году Интернационал прекратил там свое существование.

СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В НЕБОЛЬШИХ СТРАНАХ.

В 1871-м году секции Интернационала имелись в Копенгагене, в крупных городах и даже в сельских округах Дании (особенно в Ютландии).

Правительство запрещало членам Интернационала собираться под открытым небом. Оно преследовало членов Интернационала. Из 18-ти отданных под суд членов Интернационала, трое были приговорены к 3 и 5 годам исправительной тюрьмы за то, что они "хотели применять насилие", хотели произвести переворот, учредить социалистическое государство.

Существовавший в Дании рабочий союз Интернационала был закрыт правительством.

В письме от 22-го апреля 1870 года Петерсон писал Юнгу: — "Наша страна кишит потребительными, невещными, просветительными и т. п. рабочими обществами, а над всеми этими отупляющими организациями царит (как прежде Шульце в Германии) некий Ромштедт"...

В больших городах Голландии тоже имелись секции Интернационала. В нем числилось несколько рабочих корпораций.

Одно время имелись секции Интернационала в Лиссабоне в Португалии. К Интернационалу примкнуло в этой стране три рабочих союза. В феврале 1877 года в Португалии состоялся конгресс рабочих обществ, 6 групп организующейся социалистической партии и 4 кооперативов, причем была организована социалистическая партия, объявившая себя ветвью Интернационала. В 1871 году открылась секция Интернационала в Буэнос Айресе. В 1876 году организовалась секция Интернационала в Уругвае в Монтевидео, а немного спустя и федерация Международного Товарищества.

С 1868 года появляются секции Интернационала в Голландии.

В Австрии Интернационал не имел успеха. Впрочем, встречаются указания, что в этой стране насчитывалось несколько десятков тысяч членов Интернационала.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И ГЕРМАНИЯ.

Легально Интернационал не мог существовать в Пруссии, так как закон запрещал пруссакам какие либо отношения к иностранным обществам. О тайных же организациях Интернационала немцы и не думали. Не думали они и о том, чтобы заставить своих правителей отменить указанный закон.

В немецких странах, а потом в Германской империи, встречались только сочувствующие Интернационалу лица, группы, конгрессы.

В начале 1866 года немецкий отдел Женевского комитета Международного Товарищества Рабочих принял на себя пропаганду в Германии и Австрии, при чем ему удалось привлечь к Интернационалу очень небольшие группы рабочих. Но, как общее правило, в Германии мы встречаемся не с организациями Интернационала, а с ярким национальным "социалистическим" движением, о котором, впрочем, говорилось, что оно идейно примыкает к Международному Товариществу Рабочих, что оно хочет работать в согласии с Интернационалом (Всеобщий рабочий союз германских рабочих), что оно "проникнуто духом Интернационала". (Эйзенахцы вопиовали на своем конгрессе присоединение к Интернационалу "в массе", rozdali карточки индивидуально присоединившимся членам и отпраздновали делегатов на Базельский съезд).

Еще раньше в 60-х годах конгресс немецких рабочих союзов в Нюрнберге и конгресс народной партии в Штутгарде изъявили свое согласие на программу Интернационала. В средине шестидесятых годов в Германии встречались рабочие союзы, называвшие себя международными профессиональными товариществами.

В декабре 1869-го года бастовало 8000 силезских углекопов и комитет германской социал-демократической рабочей партии обратился за

помощью к Интернационалу. Интересно, что неаполитанские рабочие послали этим немецким углекопам 300 франков.

Германские рабочие были брошены на скользкий и нигде не ведущий путь парламентской агитации. Они занялись организацией рабочих союзов отсталого, выгодного для буржуазии типа и выборами в депутаты членов социал-демократической партии. Мы знаем, что они быстро забыли, что такое социализм и растеряли его принципы. Но для того, чтобы бросить рабочих Германии на этот ужасный путь, нужна была не малая доза лживости и политической хитрости. 4—7-го июня 1870 года в Штутгарте состоялся годовой конгресс партии рабочей социалистической демократии, который вынес следующую резолюцию: — "Партия рабочей социалистической демократии принимает участие в выборах в Рейхстаг и в таможенный парламент исключительно с целью пропаганды и агитации. Представители партии в рейхстаге и в таможенном парламенте должны действовать, насколько это возможно, в интересах рабочего класса, но, как общее правило, они должны занять вполне отрицательное положение и пользоваться всеми случаями для того, чтобы сделать понятным все ничтожество решений этих двух собраний и показать что они являются чистой комедией..."

Вот с чего начали и известно к чему пришли немецкие социалисты, принявшие энергичное участие в страдании законов буржуазного общества и в выборах составляющих эти законы лиц.

Пророчески прозвучал тогда голос Йоганна Якоби, выбранного в январе 1874 года депутатом в рейхстаг и точнее отказавшегося от этого полномочия: — "Я теперь пользуюсь правом, которое оставил за собою и заявляю, что отказываюсь от депутатского полномочия в Рейхстаге. Убежденный в невозможности превратить парламентарным путем милитаристическое государство в государство народное, я не мог решиться принять участия в совещаниях, наперед зная, что они бесплодны".

Газета "Фолькштат" горько упрекала честного Якоби, из за которого социалистами было потеряно одно депутатское место.

Чем же стало в последнее время до войны германское движение рабочих, попавшее под опеку социалистов-государственников?

На этот вопрос мы находим беспристрастный ответ в словах профессора И. Г. Оршанского: — "Нигде вы не найдете такого мирного сожительства рабочего класса с капиталистическим. Нигде социал-демократическая рабочая партия не мирится так скромно со своим чисто теоретическим существованием и не заражена в такой мере шовинизмом".

СЛАВЯНСКАЯ СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Небольшая по числу членов славянская секция Интернационала была организована в 1872-м году в Цюрихе. Ея членами были, главным образом, русские и сербские студенты и студентки. Программа этой секции была написана М. А. Бакуниным. (Эта программа напечатана в первом томе "Избранных сочинений" М. А. Бакунина).

Когда произошел разрыв между М. Сажиным с одной стороны и З. Раали и его друзьями с другой, когда произошло столкновение с П. Л. Лавровым, — тогда эта секция распалась.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ РУССКАЯ СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Некто Утин и Трусев заявили в марте 1870 года К. Марксу о том, что они организовали в Швейцарии русскую секцию Интернационала и

Главный Совет принял в Международный Товарищество эту "секцию".

Впрочем, И. Ф. Беккер в письме к Юнгу от 12-го марта 1870 года сообщает, что эта секция была основана по его — Беккера — инициативе. В текст программы этой секции с небольшими, не серьезными — сделанными Утиным изменениями, — был внесен текст программы, написанной Бакуниным для предполагавшейся Интернациональной секции проживавших в Женеве русских.

Члены Утинской секции были немногочисленны. Это были Утин, Трусев, (оба подавшие спустя некоторое время всеподданнейшие прошения на высочайшее имя о помиловании и получившие это помилование), Аитов и несколько женщин. Маркс был представителем этой секции в Главном Совете.

Секция намеревалась, как это значилось в ее программе (в той части, которая не была списана с рукописи Бакунина), пропагандировать в России "всеми возможными рациональными средствами" идеи и принципы интернационального общества рабочих. Она поставила, как говорит Иекк, своей "особой задачей борьбу против панславизма и привлечение рабочих славян"... Надо, впрочем, заметить, что эта секция не боролась и не могла бороться с панславизмом, не ведя никакой пропаганды. Вся эта организация в глазах серьезных людей носила шутовской характер. М. А. Бакунин называл эту группу "Утинским политическим курятником".

К О Н Е Ц .

АНАРХИЗМ И ЭТИКА.

Анатолий Горелик.

Два великана анархической мысли, Бакунин и Кропоткин, перед смертью очень интересовались вопросами этики. В последние дни своей жизни они отдались исканиям в этой области. И если смерть помешала Бакунину приступить к выполнению намеченной работы, Кропоткин умер во время писания своей "Этики".

"Замечательно (я узнал это недавно), — писал Кропоткин своему другу Атабекину в пи-

сьме от 2 мая 1920 г., — что Бакунин, когда, после поражения Коммуны, он удалился в Локкарно, почувствовал точно также эту необходимость выработки новой этики" *).

И действительно интересно, что таких два революционера и выдающихся мыслителя перед

*) Письмо Кропоткина к Атабекину от 2 мая 1920 года, см. "Почин" (Москва) № 3 от февраля 1922 г.

смертью заинтересовались так сильно вопросами нравственности в социальной жизни. Еще более интересно, что Бакунин заинтересовался этим вопросом после падения Парижской Коммуны в 1871 году. Кропоткин после провала русской революции 1917 года. Видно слишком долгий и горький опыт привел этих мыслителей к заключению, что этика есть важное начало в общественной жизни. А может даже, что этика есть и основная база всех действий человека и каждого живого существа.

И действительно на это имеются, особенно у Кропоткина, прямые указания. А его духовный наследник и редактор его посмертных произведений Н. Лебедев в своем послесловии к "Этике" прямо пишет, что Кропоткин на свою работу "Этику" смотрел не как на теоретическую работу, а как на практическую работу отвечающую потребностям дня.

"Реалист и революционер, — пишет Н. Лебедев в своем "Послесловии" к "Этике" — П. А. смотрел на этику не как на отвлеченную науку о человеческом поведении, но видел в ней прежде всего конкретную научную дисциплину, цель которой состоит в том, чтобы вдохновить людей в их практической деятельности. Кропоткин видел, как люди, даже называющие себя революционерами и коммунистами, морально неустойчивы, как у большинства из них нет руководящей моральной идеи, высокого морального идеала. Он не один раз говорил, что может быть именно вследствие отсутствия этого возвышенного морального идеала русская революция оказалась безсильной создать новый общественный строй на началах справедливости и свободы, и зажечь другие народы революционным пламенем, как это было в эпоху Великой Французской Революции и Революции 1848 года" *) (курсив мой — А. Г.).

Кропоткин видел все происходящее и хорошо понял причины гибели русской революции, как Бакунин видел их в 1871 году. И он искал новых путей, новых сил, которые бы были устойчивы и были бы связующим звеном между

свободными людьми в общественном взаимодействии.

Кропоткин хорошо знал, что "не книги создают направления, а наоборот". Но Кропоткину хотелось своей лебединой песней разбудить этот зачумленный мир, утопающий в подлости, лжи и обмане, хотелось указать, что не в материальных условиях — сущность жизни, что "не хлебом единым жив человек". И что, если люди хотят создать новую общественность, — необходима и новая этическая личность, необходима новая этика.

Революция, которая не создает своей этики, новых более высоконравственных взаимоотношений между человеком и человеком не может быть революцией трудящихся масс, не может быть революцией народной.

Действительно русская революция может и должна служить нам в этом отношении хорошим уроком. И если мы не хотим, чтобы и будущие революции были такими же неудачными, мы должны посмотреть глубже в жизнь природы и человечества. И из жизни и опыта почерпнуть новые методы, новые силы для нашей настоящей работы и будущих революций.

* * *

Жизнь не есть только форма многих тысяч материальных молекул или атомов. Жизнь не есть только механическое соединение. Жизнь есть органическое сосуществование миллионов и миллионов частиц, объединение органических и неорганических сил, которые работают и творят независимо от других жизней. Но привычки, инстинкты, творческие усилия каждой жизни по целому ряду естественных причин проявляются в гармонии с другими жизнями, со всем видом.

И уже Дарвин этот взгляд на гармонию в природе, гармонию не мертвую, а вечно подвижную и изменяющуюся, принимающую то одну, то другую форму, отмечал в своих произведениях. Свою борьбу за существование он не всегда одинаково объяснял, но местами, как вполне правильно отмечает Кропоткин, он под борьбой за существование понимал нечто более важное, чем простую борьбу и взаимное уничтожение.

Борьбу за существование следует понимать,

*) Н. Лебедев — "Послесловие", см. П. Кропоткин — "Этика", изд. Нью Йорк, стр. 252.

пишет он в III главе происхождения видов, "в ее широком и переносном (метафорическом) смысле, т. е. включая сюда зависимость одного живого существа от других, а также, — что гораздо важнее, — не только жизнь самого индивидуума, но и возможность для него оставить по себе потомство" *). И уже в своем "Происхождение человека" он приводит целый ряд данных, что именно кооперация, взаимность и гармония являются главной основой жизни, и значение ее в жизни природы много важнее, чем взаимная борьба и взаимное истребление.

"Те общества — писал Дарвин уже во втором издании своих "Происхождение человека" — которые содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов будут наиболее процветать и оставлять по себе наибольшее количество потомства" **).

И этот Гобсовский и Мальтусовский пережиток о выживании более сильного и о взаимной борьбе в мире природы принял другой вид и превратился в свою противоположность. Оказалась в природе сила больше влиявшая на саму жизнь, на ее проявления и прогресс, чем взаимная борьба и взаимное уничтожение.

Спенсер, современник Дарвина, уже тогда было пошел дальше Дарвина в признании силы взаимности в отношениях между живыми существами природы. Но пережитки прошлого оставили и на нем свой след. Но исследования природы, жизнь среди лесов, в горах и на берегу рек в разных местах света, внедрение в жизнь самых диких животных и накопление целого ряда фактов из жизни доисторического человечества, дали бесконечный ряд данных об общечеловечности, взаимности во взаимоотношениях между живыми существами, каких-то внутренних силах связующих живые существа, помимо внешних потребностей; и ученые мало по малу начали на жизнь смотреть иными глазами и объяснять те силы, которые в ней действуют иначе.

Еще нет последнего слова, и кто знает будет ли ум человеческий в силах разрешить "все сомнения веков" и всю сложность живой жизни.

Но уже и сейчас природа предстала перед людьми в другом виде и объясняет человеку все свои явления по иному.

"Книги не создают направлений" писал Кропоткин. Но книги все-таки играют выдающуюся роль, а часто и направляют всю жизнь отдельных людей и целых народов.

Прекрасно формулировал основы жизни в ее самых важных проявлениях известный русский зоолог Кесслер еще в 1880 году.

В своей речи на съезде Общества Естественных наук он говорил следующее:

"...Прогрессивному развитию как всего животного царства, так специально человечества, не столько содействует взаимная борьба, сколько взаимная помощь. Всем органическим телам присущи две коренные потребности, — потребность питания и потребность размножения. Потребность в питании ведет их к взаимной борьбе за существование и к взаимному истреблению друг друга, а потребность в размножении ведет их к сближению между собой и к взаимной помощи. Но на развитие органического мира, на преобразование одних форм в другие оказывает едва ли не большее влияние сближение между неделимыми одного и того же вида, нежели борьба между ними" *).

Но и это понимание углубилось, благодаря целому ряду опытов, фактов и данных собранных исследователями и естествоиспытателями.

В природе взаимность является фактором жизни и прогрессивного развития не только в одном и том же виде, но часто и в взаимоотношениях между разными видами. Борьба бывает только в периоды острых кризисов и в случаях нарушения равновесия в взаимоотношениях. Целый ряд причин не материального характера, а вытекающих из самой жизни, приводят также к конфликтам. И вполне прав Кропоткин пришедший к выводу, что —

"...если бы эволюция животного мира была основана исключительно или даже преимущественно на борьбе, то мир был бы совершенно иным"

*) Ч. Дарвин — "Происхождение видов".

**) Ч. Дарвин — "Происхождение человека".

*) К. Ф. Кесслер — Речь "О законе взаимной помощи", цитирую по Кропоткину — "Взаимная помощь" страница 19.

твенно, на переживании более приспособленных в периоды бедствий; если бы естественный подбор был ограничен в своем воздействии периодами исключительной засухи, или внезапных перемен температуры, или наводнений — то регресс, а не прогресс, был бы общим правилом в животном мире*).

Ибо никогда еще не случалось в природе, чтобы физически сильные были и более выживающие. Наоборот, мы имеем целый ряд монстров в доисторические периоды, и во всех этих сферах уступившие место более мелким и более слабым физически, и окончательно исчезнувших из природы.

Не сила, не физическое преобладание в минуты катастроф, а нечто более важное играет роль в жизни природы.

"Зло не порождает добра" писал еще русский ученый Чернышевский много лет тому назад.

"Состязание не составляет общего правила, ни для животного мира, ни для человечества. Оно ограничивается, среди животных, известными периодами, и естественный подбор находит лучшую почву для своей деятельности. Лучшие условия для прогрессивного подбора создаются устраниением состязания, путем взаимной помощи и взаимной поддержки" (**).

В природе — по свидетельству целого ряда исследователей — сильна другая сила: творческая, и вместо уничтожения друг друга, по большей части, в природе, творчеством новых условий одна группа избегает борьбы с другой. Если животным становится тесно вместе или пищи недостаточно, часть из них переселяется иногда даже в другие части материка или света, а не взаимно уничтожают друг друга.

"Избегайте состязания! оно всегда вредно для вида, и у вас имеется множество средств избежать его!" Таково стремление (тенденция) природы, не всегда ею осуществляемое, не всегда ей присущее. Таков лозунг, доносящийся до нас из кустарников, лесов, рек и океанов. А потому, объединяйтесь — практикуйте взаимную помощь.

Она представляет самое верное средство для обеспечения наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса, физического, умственного и нравственного*).

"Вот чему учит нас Природа; и этому ее голосу вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению природы подчинился и человек — самый первобытный человек, и лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь" *).

Человеческое же общество, как и сам человек, не представляет такого сильного исключения из общей жизни природы. Целым рядом данных в своей книге "Взаимная Помощь" Кропоткин доказывает, что и все развитие человеческого общежития так же базировалось на этой естественной основе, на взаимности и солидарности.

Человеческое общежитие не есть только агломерация людей, только сборище, которое удерживается друг около друга внешней силой. Человеческое общежитие есть органическое сотрудничество, объединение людей связанных общим рядом разных интересов. Среди них самая сильная связь — органическая потребность в сожительстве, в подобных себе.

Даже самые крайние философы индивидуалисты признают в личности существо органическое и существо общительное.

"Не изолированностью, не одиночеством, а общительностью или общежитием характеризуется первобытное состояние человека, — писал Штирнер. — Наше бытие начинается с интимной связи, ибо и тогда, когда мы еще не начали самостоятельно дышать, мы живем единой жизнью с матерью; когда же мы появились на свет, мы и тогда принимаем к груди человека: он убаюкивает нас с любовью на своих коленях, он нас ведет на помочах и связывает с собою лично множеством различных уз. Общительностью определяется наше естественное состоя-

*) П. Кропоткин — "Взаимная Помощь", стр. 80.

**) Там-же стр. 81.

*) П. Кропоткин — "Взаимная Помощь", стр. 82—83.

ние^{*)}.

Но Штирнер и индивидуалисты утверждают, что эта естественная общественность изменяет свои формы и по мере проявления самостоятельности в каждом человеке, эта органическая связь превращается в добровольное объединение, — в союз.

“Чем более мы научаемся ощущать самих себя, тем более слабеет и прежняя интимная связь, и тем заметнее становится разложение первичной общественности... Ребенок уже предпочитает ту связь, которая его сближает с ему подобными существами, тому обществу в котором он увидел свет и не успел обжиться.

“Но разложение общества совпадает с зарождением взаимной связи людей или союза^{**)}.

“Человек — говорит Штирнер в другом месте своей книги, — ни перед собой, ни перед другим человеком не обязан создавать что либо из себя, или из него, ибо человек ничего не должен ни своей собственной сущности, ни сущности другого человека. Отношение покоящееся на человеческой сущности, есть отношение прозрачное, а не действительное...”

Но поэтому “должен ли я относиться безусловно к личности другого человека; должен ли игнорировать его радость и его благо; должен ли я ценить ни во что то наслаждение, которое я могу доставить?”

“Нет, я готов охотно доставить ему массу наслаждений; я готов отказывать себе во многом, лишь бы доставить ему удовольствие; я готов пожертвовать ему всем, что для меня, за исключением его, всего дороже: моей жизнью, моим благосостоянием, моей свободой... Если я жертвую для него всем, что у меня есть, сверх моей любви к нему, то это явление вполне элементарное и в жизни наблюдается оно гораздо чаще, чем может показаться...”^{***)}.

“Я тоже люблю людей, — утверждает он дальше — и люблю не только некоторых из людей, но и всякого человека. Но я люблю их,

как сознательный эгоист: я люблю их потому, что любовь делает меня счастливым; я люблю их потому, что любить свойственно моей природе, и любить мне нравится... Я сочувствую каждому чувствующему существу, и его страдания причиняют мне страдание и его радости радуют и меня: убить его я мог бы, но мучить, истязать — я не смогу”.

“Вы любите “человека”, — твердит Штирнер, — а потому вы истязуете отдельного человека, эгоиста (по нашему личность — А. Г.); ваша любовь к абстрактному “человеку” выражается в истязании реального человека.

“Видя страдания любимого человека, я тоже начинаю страдать, и я не успокоюсь пока не испытаю все средства, могущие его утешить и развлечь; когда же я увижу, что он весел, тогда и я начинаю радоваться его веселью...”^{*)}.

“Но любовь не есть заповедь или совет; она, как всякое иное из моих чувств есть моя **собственность**”^{**)}.

Вот как рассуждал Макс Штирнер, крайний индивидуалист, об общественных и личных взаимоотношениях, или правильнее, о необходимости органической связи между себе подобными.

И если Штирнер выступает резко против государства и общества, как **принудительно-связывающих** организмов, но не против естественного сожительства, которое он называет **союзом**, то не потому, что живя в обществе он лишается известной доли свободы:

“Что всякое общество... ограничивает мою свободу, это меня мало возмущает... абсолютной свободой я не пользовался бы даже и тогда, если бы стал самодержцем... Но свою **самобытность** я не позволю никому отнять у меня, а между тем на эту самобытность именно и зарится всякое общество и старается именно ее и подчинить своей власти”^{***)}.

Даже больше. Штирнер хорошо сознавал, что ограничение свободы индивидуума есть естественная вещь. Весь вопрос кто ее ограничи-

*) Там-же стр. 237.

**) Там-же стр. 238.

***) Макс Штирнер — “Единств. и его собственн.”

*) Макс Штирнер — “Единств. и его собственность”.

**) Там-же изд. Нью Йорк, стр. 249.

***) Макс Штирнер — “Единственный...” стр. 236.

вает. Сама ли личность самобытная, просто говоря — самодисциплина, или ее ограничивает какое нибудь общество, какая нибудь внешняя, по отношению личности, сила им организованная.

"Ограничение свободы неизбежно, ...ибо немислимо освободиться от всего: нельзя летать по воздуху подобно птице только потому, что хочется летать, ибо нельзя освободиться от собственной тяжести; нельзя находиться под водою произвольно продолжительное время, подобно рыбе, потому что невозможно обойтись без воздуха и освободиться от этой необходимейшей неизбежности и т. д." *).

И хотя человек уже и летает и ныряет по своему желанию, хотя он и приспособил и приспосабливает все больше и больше природу к себе и своим **желаниям**, но основное понимание Штирнера — характерно. Он защищает от насилия личность живую, мыслящую и самобытную, но выступает резко против идеи абсолютной свободы, против нового фетиша: он резко выступает против идеи о возможности или даже о желании обособления личности от себе подобных.

Самобытность личности, а не ее абсолютную свободу и обособленность, отстаивал Макс Штирнер, крайний индивидуалист.

Можно было бы привести еще бесконечное количество данных в подтверждение, что **естественность** общежития и даже желательность его является присущим пониманием всех мыслителей человечества. Ибо сама природа, сама жизнь из которой эти люди делали свои выводы, учила их этому на каждом шагу.

Но последние опыты, исследования и наблюдения привели мыслителей и еще дальше. Они в природе увидели принцип не только равноправия и взаимности, они увидели новую силу: творческий инстинкт, необходимость проявления себя, необходимость расточать свою жизнь. Как пар в котле имея больше энергии и теплоты, чем может вместить и употребить в свое пользование машина, ищет выхода для самопроявления вне машины, и в случае задержки или препятствия

взрывает, так и всякое живое существо ищет возможности самопроявления, приложения избытка своей энергии, и в современном обществе часто разрушительно самопроявляется. Жизнь бьющая через край — вот начало общественности; естественная потребность самопроявления и траты излишков своей энергии есть основание общественности, творческое самопроявление есть основа эволюции жизни и ее прогресса. И природа на каждом шагу учит нас этому творческому самопроявлению, ибо **"жизнь может подерживаться только расточаясь"** *).

"Растение не может помешать себе цвести. Иногда, цвести для него, — значит умереть. Пусть! соки все таки будут подыматься!" заканчивает выдающийся молодой философ Марк Гюйо, свою замечательную книгу "Правственность без санкции и принуждения".

И действительно в природе все **само** проявляется, все **само** себя изживает, ибо без самопроявления, без этого внутреннего импульса, жизнь превратится в свое отрицание — в смерть.

То же и с человеком, если он — полон сил и энергии. Энергия накапливается в нем, и она должна проявиться. Иногда это расточение жизни равносильно самоубийству. Но человек расточает себя, ибо иначе он бы не перенес этого избытка энергии. И если он погибнет как растение отдающее свой сок цветку; или мотылек и бабочка для своего потомства. Пусть! Соки человеческие дадут свои плоды.

На каждом шагу природа нас учит: будь силен! Расточай свою силу, свои страсти, свой ум, распространяй свою любовь и твою взаимность кругом тебя. И твоя жизнь станет плодотворной и активной. И сам ты станешь выше и прекраснее.

"В практике взаимной помощи, которую мы можем проследить до самых древних зачатков эволюции, мы... находим положительное и несомненное происхождение наших нравственных этических представлений, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом развитии человечества играла взаимная помощь, а не вза-

*) Марк Гюйо — "Правственность без санкции и принуждения".

*) Там-же.

тмная борьба. В широком распространении начал взаимной помощи, даже и в настоящее время мы также видим лучший задаток еще более возвышенного дальнейшего развития человечес-

кого рода^{*}).

^{*}) П. Броноткин — "Взаимная Помощь" стр. 290, изд. Москва, 1922 года.

(Продолжение в след. номере).

АНАРХИЗМ И МАХНОВЩИНА.

П. Аршинов.

Ответ на возражения. — О партизанской армии. — Понятие вольных советов и общественные идеалы махновщины. — Организационный вопрос в анархизме.

Статья вторая ^{*}).

Последнее время в анархической прессе появился ряд критических статей о махновском движении и об отношении к нему анархистов. Это следует приветствовать, так как добросовестная и разносторонняя критика махновского движения может лишь способствовать выявлению подлинного лица этого движения и помочь анархистам встать к нему в правильные отношения.

К сожалению, на ряду с серьезными замечаниями, имеются в нашей прессе недобросовестные выпады на движение, далекие от желания объективно разобраться в явлении махновщины (например, статья в № 127 "Ам. Изв." за подписью П-ий), мы не будем останавливаться на них.

Ряд возражений, направленных к выяснению некоторых сторон махновского движения и требующих определенного ответа, содержатся в статьях т. В. Худолея ("Волна" № 51) и т. Е. З. ("Американские Известия" № 128). Возражения эти, по нашему, разбиваются на две категории: на возражения общего принципиального характера и на возражения, относящиеся к отдельным эпизодам махновского движения. Начнем с последних, содержащихся, главным образом, в статье т. Е. З.

Автор ставит в упрек махновцам их военнополитическое соглашение с советвластью в октябре 1920 г. По его мнению, соглашение это было

самым большим компромиссом, на который когда либо шли анархисты. И он удивляется поэтому, каким образом после такого акта махновцы решаются упрекать некоторых анархистов в том или ином сотрудничестве с большевиками.

Мы вполне согласны с тем, что соглашение махновцев с советвластью представляло собой некоторый компромисс, к которому можно относиться по-разному. Однако, компромисс чисто военного смысла. Политическая сторона этого соглашения не имела самостоятельного значения и служила лишь подспорьем основной военной стороне. Формально соглашение махновцев с советвластью являлось военно-политическим соглашением; по существу же это было чисто военное соглашение. Вот что говорится по этому поводу в "Истории махн. движ." (стр. 179—180): "Никто среди махновцев не верил в продолжительность и прочность соглашения с большевиками... Но, ввиду политической обстановки, полагали, что соглашение это продлится три-четыре месяца. Главным же образом имелось в виду, что на почве этого соглашения удастся резко отделить перед трудовыми массами сущность того, в чем большевики не сходятся с махновцами и из за чего между ними идет борьба. Это и было блестяще достигнуто. Четвертый пункт политического соглашения, в котором махновцы требовали от большевиков признать за рабочими и крестьянами право на их экономическое и общественное самоуправление, оказался абсолютно неприемлемым для советвласти..."

^{*}) Статья первая того же названия напечатана в "Анархическом Вестнике" № 2.

Советская власть, зная резкую антигосударственную идеологию махновцев, также не верила в соглашение с ними. Она поэтому не замедлила напасть на повстанческий район и на повстанческую армию, борющуюся с Врангелем в Крыму.

В доказательство того, что соглашение махновцев с советской властью было делом не только военным, но и политическим, автор приводит 3-й пункт политического соглашения, где говорится о праве махновцев и анархистов участвовать в выборах в советы и вхождения в таковые. Но неужели автор, по всему смыслу договора, не заметил, что махновцам не было ни какого дела до выборов в политические партийные советы и что отмеченный им пункт стоит в соглашении как то искусственно? И в самом деле, 3-й пункт политического соглашения махновцы ввели в договор исключительно для того, чтобы **благодаря ему попридержать** то или иное предательское нападение большевиков. Это обстоятельство не было отмечено в "Ист. махн. движ." просто потому, что оно ускользнуло от внимания автора ведшего работу в условиях крайней спешности.

Ошибка т. Е. З. состоит в том, что он смешивает акт военного соглашения с тем идейным соглашением и приспособлением, на которое идут некоторые репетаты анархизма. К военному соглашению могут прибегать политические и идейные противники, оставаясь при своей идейной и политической непримиримости. Соглашение же идейного смысла стирает идейно-политическую физиономию анархистов-согласителей, превращая их из бывших противников большевизма в идейных прислужников его. Разница, таким образом, между этими двумя видами соглашения огромна. То соглашение, которое махновцы заключили с советской властью в октябре 1920 г., ни в какой степени не нарушало цельность революционной идеологии и революционной практики махновского движения. Оно, поэтому не отымает права у участников этого движения стоять на страже анархических идеалов и клеймить позором тех, кто этим идеалам изменяет и низводит их до простых служителей большевистского режима.

Осуждает т. Е. З. махновцев за расстрелы помещиков, офицеров, посланца Врангеля, атамана Григорьева и многое другое. "Разве расстрелами можно доказать что-либо? — вопрошает он. — Разве постройкой тюрьмы можно уничтожить преступность? Ведь это делают и большевики."

Мы не отрицаем, что в тех актах расправы, которые повстанческая масса допускала в отношении своих врагов, была доля суровости и жестокости. Можно не соглашаться с этими актами. Но нельзя при этом забывать самое главное, — то, что расправа эта происходила в процессе ожесточенной борьбы, во время которой с той же массой не раз с живой спускали шкуру. Так было при воцарении Скоропадского и в дни победы денкинцев. Социально-партизанская война есть тяжелая война с массой неожиданных и жестоких проявлений. Это надо понять и с этим надо согласиться или отвергнуть это. Обыкновенно махновцы, а чаще всего сами крестьяне сел, где махновцы проходили, расстреливали тех лиц, которые до этого особенно пачкались в отношении их. Ведь когда после разгрома денкинцев под Уманью, осенью 1919 года, махновцы проходили по Украине, то во всех селах и деревнях последней находились те самые помещики и урядники, которые в течение трех месяцев денкинской метли крестьянам за революцию. Не было села, где бы не производились до этого массовые расстрелы крестьян, за захват последними помещичьих земель. Очутившись после разгрома денкинцев в руках крестьян, эти помещики и полиция понесли лишь заслуженное.

Не отрицаем мы также того, что в махновской армии имелись отрицательные явления, — излишнее суровая расправа с врагами или с самими повстанцами. Такие явления, как расстрел повстанца, повесившего плакат, или расстрел в Екатеринославе лиц, подозреваемых в организации покушения на Махно (ноябрь 1919 г.), среди них местной педагогической деятельности, — не только заставляли нас глубоко страдать, но и решительным образом бороться с ними. Однако, отрицательные факты в армии являлись лишь прискорбными эпизодами, — не более. И находившиеся в рядах махновщины анархисты рас-

смагивали их именно как эпизоды, считая, что организованная и разумная работа анархистов в этом движении сведет их, в конце концов, на нет.

Нам совершенно непонятно, для чего автору понадобилось поучать махновцев тому, что тюрьма не уничтожает преступность. Фраза его по этому поводу построена, таким образом, что невольно внушает неосведомленному читателю ту мысль, что махновцы будто занимались постройкой тюрем. Между тем махновцы всякий раз, входя в город, прежде всего разрушали тюрьмы.

Что касается убийства махновцами атамана Григорьева, которым крайне возмущен автор, то хотя в замечаниях последнего имеются некоторые правильные соображения, мы, однако, никоим образом не можем согласиться с ним в том, что поступок этот столь же предательский, как и изменническое нападение большевиков на махновцев в декабре 1920 г. Было два способа ликвидировать Григорьева: один большевикский, путем наемного убийцы; другой открытый, непосредственный. Махновцы избрали второй. Пред лицом повстанческого съезда Григорьеву была дана возможность высказаться, и когда он обнаружил свое контр-революционное лицо, судьба его была решена. Было бы, конечно еще лучше, если бы Григорьеву заранее сообщили о том, что на съезде его потребуют к ответу за погромы и контр-революцию и если бы он явился на разбор дела. Но в том то и беда, что в этом случае Григорьев исчез бы и следовательно мог бы еще долгое время продолжать свою погромную и контр-революционную работу. Из двух зол пришлось выбирать наименьшее. Желательно, однако, знать, какой бы выход в данном случае предложил автор.

Касаясь общей принципиальной стороны махновщины, т. Е. З. замечает, что движение это было проникнуто какой то неприятной начальнической структурой. "Чувствуется какая то диктатура, которая никоим образом не может проявляться в анархическом движении", — говорит он.

Так ли это на самом деле? Не заблуждается ли автор и не является ли он жертвой недо-

разумения? Мы считаем, что да. Приведенный в книге "История махи. движ." материал говорит как раз об обратном — о резко выраженных безначальнических устремлениях движения. Если бы дело было так, как его понимает автор, тогда, спрашивается, из за чего, собственно, революционный район в течение трех лет вел тяжелую борьбу с государственниками разных типов?

Приходится думать, что автор, говоря о начальнической структуре движения, имел в виду не махновское движение в широком смысле, а лишь его организованную партизанскую армию. Последняя действительно держалась на определенной и довольно таки твердой партизанской дисциплине: в ней имелись приказы и распоряжения. Но ведь эта дисциплина являлась не своеводем какого либо начальника, диктатора, руководящего движением. Она явилась творчеством самой повстанческой массы, вышедшей на борьбу с многочисленным врагом, располагающим организованными государственными армиями. В процессе этой борьбы партизанство увидело, что без определенной самодисциплины оно неминуемо будет раздавлено регулярными армиями государственников и усилением воли ввело в своих рядах революционную самодисциплину. Автору это не нравится. По его мнению, в анархическом движении таким явлениям не должно быть места. Но ведь подобное заявление не аргумент. Мы имеем дело не с фантазией, а с реальным фактом, рожденном в реальной обстановке социальной борьбы. Для опровержения его одних голых пожеланий недостаточно. Автору следовало бы привести исторический или хотя бы мыслимый пример того, как анархическое движение, успешно борясь с государственными армиями, смогло бы обходиться без революционной дисциплины.

Совсем, повидимому, иначе смотрит на партизанскую армию т. Худолей. Для него революц. партизанство в русской революции представляет огромный поучительный опыт. Военно-боевую сторону революции он считает одной из главнейших задач социальной борьбы вообще. Пока существует государство — капиталистическое, коммунистическое или какое либо иное — будут

существовать военные силы этого государства. Революционный народ сможет победить их и ликвидировать затем государство, лишь выдержав продолжительную военную борьбу с этими силами и выйдя в ней победителем. А этого он достигнет тем, что, наряду с прочими мерами соц. борьбы, во время создаст хорошо организованную партизанскую армию. Роль такой армии т. Худoley считает решающей в соц. борьбе трудящихся. Это, конечно, большой шаг вперед в сравнении с тем беспомощным топтанием на месте, в котором пребывали и пребывают многие наши товарищи. Но нам кажется, что т. Худoley недостаточно ознакомился с военной и с социальной стороны маховского движения, и этим объясняется ошибочность некоторых его замечаний и суждений о нем. Так, он и не подозревает того, что в повстанческой армии маховцев находился лучший, — т. е. наиболее развитой, наиболее опытный и знающий — элемент из солдат старой армии, из тех солдат, которые знали, а главное осуществляли военное дело и военную стратегию не хуже своего командного состава.

И т. Худoley, и т. Е. З. отрицательно относятся к общественным идеалам маховщины, выраженным в лозунге вольных рабоче-крестьянских советов. По их мнению, идея вольных советов содержит в себе элементы властичества. "Если бы, — говорит Е. З. — эти вольные советы не обладали правом законодательства и принуждения, тогда они явились бы совершенно ненужными учреждениями".

Для нас странным является, почему авторы, критикуя планы общественного строительства маховцев, берут отдельное частное место этого строительства, к тому же неправильно ими понимаемое, и сводят к этому месту всю идеологию и все общественное строительство маховцев. В течение ряда лет маховцы проповедовали и проводили на практике в своей среде идею безвластных трудовых коммун. Правда, работа и достижения их в этой области по необходимости, — в силу специфической боевой обстановки — были ограниченными. Но работу эту маховцы, вдохновляемые анархическим идеалом, вели, и нас поражает тот факт, что т-щи.

подходящие к маховщине с точки зрения коммунистического анархизма, совсем не берут в учет этого факта.

На ряду с безвластными коммунами маховцы стремились создать вольные, т. е. безвластные же советы. Советы эти мыслились не как законодательные учреждения, а как некоторая платформа, объединяющая трудящихся на почве их насущных потребностей. Их назначение — исполнять высказанную и сформулированную уже волю трудовых масс. Поясним это. Крестьяне и рабочие какого либо села или местечка стоят перед рядом вопросов и заданий, общих для всех: вопрос продовольствия, дело защиты района от нападения, связь деревни с городом и многое другое. По всем этим вопросам не следует сговориться между собою и решить их. Сговор достигнут и решения имеются. Однако, решения сами собой в жизнь не претворяются. Нужна известная сила, которая, обслуживая эти решения, претворила бы их в жизнь. В предположении маховцев таковой силой и будет вольный совет трудящихся.

Всякое общество состоит из лиц, имеющих общие потребности и общие практические задачи, и всякое общество или союз лиц позаботится о том, чтобы иметь орган, который бы постоянно и систематически обслуживал их волю и решения в области этих задач и потребностей. Почти всякая анархическая организация имеет такие органы — в форме ли Совета, Федерации, Секретариата или в форме Исполнительного Комитета. Как эти органы, так и общая линия направления и деятельности анархических организаций определяются и намечаются на общих съездах и конференциях. Это единственно правильный и давно признанный метод коллективного анархического сотрудничества. Непонятно, почему т. Худoley этот самый метод съездов и добровольных соглашений считает противонархическим в маховском движении.

Критикуя идею вольных советов, т. т. Худoley и Е. З. произвольно вкладывают в понятие вольных советов властическое содержание и на этом основании сторонятся всей общественной идеологии маховщины и самого маховского движения. Но, как мы сказали, советы,

предназначенные для того, чтобы исполнять выраженную уже и формулированную волю трудящихся, могут быть безвластными. Они ничего общего не могут иметь с политическими левозеровскими советами, в которых слово "вольный" означает лишь то, что в советах отсутствует диктатура одной политической партии, но зато имеется диктатура над трудящимися всех политических партий, входящих в совет. "Вольные" левозеровские советы — это те же государственные советы большевиков с превнесением в них принципа политического большинства. Самая их природа враждебна вольным безвластническим советам махновцев.

Можно согласиться с тем, что идея общественного строительства махновцев, выраженная в лозунге Вольных Советов, недостаточно конкретно и очерченно разработана, что в этом пункте имеются некоторые неясности. Но нельзя в этом основании приписывать движению государственнические тенденции. Кроме того, лозунг вольных советов далеко не исчерпывал всю общественно-революционную идеологию махновцев. Эта идеология и поле практических устремлений были многообразнее и шире и в основе своей направлялись к анархическому коммунизму.

Однако, оба товарища сомневаются в анархическом направлении движения и сторонятся его, делая каждый свои выводы. Тов. Худолей говорит, что анархисты должны включить в свою тактику партизанский метод махновщины, отбросив в то же время планы общественного строительства движения. Тов. Е. З. вообще сомневается в движении и заявляет, что правы были те анархисты, которые не пошли работать в него.

Мы считаем, что в книге "История махн. движ." достаточно полно установлено, во-первых низовой, истинно пролетарский характер движения и во-вторых то, что движение опиралось на некоторые бесспорные анархические принципы: а) на право полной инициативы трудящихся; б) на право их общественно-хозяйственного самоуправления и в) на принцип безгосударственности. Движение, возникнув на почве защиты завоеванных народом революционных и социальных прав, охватило широкий район трудящи-

хся и определенно, хотя и тяжело, шло анархическим путем к анархическому строительству. При этом, идейной силой движения, освещавшей его цели и задачи, были анархисты-коммунисты, правда, не богатые теоретическими силами, но имевшие за собой практику продолжительного служения анархизму. Ни одна социалистическая партия, благодаря своим государственным идеалам, не могла в какой бы то ни было мере укрепиться в движении. И не случайно было то, что революционные повстанцы, борясь с армиями различных государственныхников, в то же время каждый раз созывали в освобождавшиеся города и районах Рабочие Совещания и рабоче-крестьянские съезды, на которых неизменно призывали трудящихся приступить к устройству жизни на началах свободы и равенства. Не случайно было то, что одновременно с этими призывами они разогнали в гор. Александровске (окт. 1919 г.) и Екатеринославе (январь 1919 г.) политические ревкомы левых эсеров и большевиков, являвшиеся в их глазах зародышами государственной организации.

Никто из нас не скажет, конечно, что движение это представляло чистый анархизм. Нет, это было революционное движение широких масс с присущими этим массам социальными и этическими привычками, но преобладающее анархическое устремлений и помедшее по анархическому пути.

Приходится удивляться не тому, что движение не дало пример законченного анархического строительства, а тому, что движение это, охватив миллионы тружеников и оставшись в то же время почти без помощи идейных организаций, выжило так много организованной анархичности и не заглохло в крайне сложной украинской обстановке с ее многочисленной сменой властей и домогательствами разных партий, игравших на социализме.

Непонятными и странными кажутся нам слова т. Е. З. о том, что в махновском движении анархистам нечего было делать. Спрашивается, в таком случае, где же в момент совершающейся социальной революции анархисты могут и должны работать, если махновское движение является неподходящим полем для их деятельности?

Где то широкое подлинно-анархическое движение, борющееся и в борьбе утверждающее анархические идеалы, которое они хотели бы противопоставить махновскому? Следовало бы дать пример такого движения из истории соц. борьбы или хотя бы набросать мыслимую схему такого движения. Мы уверены, что ни того, ни другого авторы не смогут сделать. Ибо массового чисто анархического движения, идущего по программе той или иной анархической фракции, история не знает, и его, при современном развитии анархических идей, нельзя ждать с первых дней революции. Революцию следует творить с той массой, какая имеется в жизни. Ждать, когда эта масса настолько усвоит анархические принципы, что ни в чем не будет отклоняться от них, значит выбросить себя в настоящем за борт жизни. Ведь даже анархические организации сплошь и рядом грешат против тех или иных анархических принципов. К счастью, анархисты и не собираются упразднить себя. Они понимают, что дело заключается не в частичных отклонениях, а в основном направлении движения.

Не серьезными и просто ребяческими приходится считать рассуждения автора о том, что анархистам потому, де, не следовало входить в махновское движение, что в этом движении проповедывались идеи вольных советов. Если даже допустить, что идея вольных трудовых советов противоречит идеалам анархизма, что, по нашему, не верно, то в этом случае анархистам тем более следовало бы быть в рядах этого движения. Они обязаны были тогда разъяснить борющейся массе ошибочность этого лозунга, противоречие его идеям анархизма. Это они обязаны были сделать особенно потому, что повстанческая масса верила в анархизм и постоянно звала всех работников анархизма на помощь себе в огромном деле борьбы и построения безвластного общества. В движении не имело монополии того или иного лозунга. Всякий, несогласный с тем или иным лозунгом, мог взамен выдвинуть другой, более жизненный. Так всегда анархисты поступали. Так поступали они, участвуя в махновском движении. Так, надеемся, будут поступать они и в дальнейшем. Ибо ана-

рхизм не есть секта книжников, относящаяся с олимпийских высот к соц. борьбе трудящихся. Наоборот, это борьба является его родной стихией. Он всегда живет среди этой борьбы и страданий масс, набирается там сил и роста и отсюда прокладывает пути для торжества идеалов безвластия и равенства.

С поразительной легкостью и беззаботностью отделяется т. Е. З. от организационного вопроса. По его мнению, у нас в этой области все обстоит благополучно. Он отрицает, например, тот факт, что русских анархистов разъедает болезнь, именуемая дезорганизованностью. — "Разнообразие идей и учений не есть еще хаос и путаница" — поучает он. Конечно, разнообразие идей, тем более плодотворных идей, не есть хаос, и о таких простых вещах можно было бы не говорить. Но неужели автор считает нормальным в нашем движении явление (не так давно явление это было повсеместным), когда отдельные группы, или еще хуже — отдельные лица проповедают свой анархизм и свою анархическую тактику, взаимноисключающие друг друга и этим производящие в широких кругах масс путаницу и хаос? Чем, как не дезорганизованностью являются все еще не изжитые в нашей среде взаимные нападки различных анархических фракций и групп? Ведь благодаря такому состоянию нашего движения мы никогда почти не могли выступить согласованно по тому или иному серьезному практическому вопросу, не могли подойти к плодотворному решению по важнейшим вопросам теории и практики на своих местных и международных конференциях и конгрессах.

Анархизм сейчас находится на тяжелом пути собирания и самоорганизации своих сил. Задача эта одна из труднейших. Она может быть успешно решена лишь при условии, если все работники по анархизму будут активно работать в этом направлении. То отношение к данному вопросу, которое высказывает т. Е. З. не содействует, а наоборот — противодействует решению указанной задачи. Стремиться к координации и единству действий значит, по его мнению, сводить вопрос к организации в нашей среде политической партии с центральным комитетом во

главе. Но разве теперь можно так аргументировать? Ведь это старый избитый аргумент тех индивидуалистов в анархизме, которым ненавистна всякая организация и которые за самое ценное в нашем движении почитают отсутствие в нем ответственности.

Однако, подобное обращение с важнейшими вопросами анархической практики уже отжило свой век и в настоящее время недопустимо. Анархисты не зря мучились, боролись, шли на жертвы. Тяжелый революционный период их многому научил.

Партия нам не нужна, но организованность необходима. Вопрос организации анархических сил и анархической практики стоит в порядке дня всего нашего движения. Уже теперь, на протяжении последнего пятилетия, мы имеем как в России, так и в Америке — Северной и Южной — ряд более широких федеративных обье-

динений, включающих в себя большинство местных анархических организаций. Необходимо упорно и настойчиво поработать над тем, чтобы, во-первых, эти и аналогичные им организации расширить и укрепить и затем организационно связать их между собою. Этим самым вопрос организации анархических сил и анархической пропаганды будет поставлен на верный фундамент. Анархическое движение, найдя свой остов, укрепит и усилится. И не нужна нам будет, при этом, какая бы то ни было политическая партия с центральным комитетом во главе.

Рабочая масса, примыкающая к анархизму, мыслит себе последний только как организованную идейную и практическую силу. И чем больше анархисты будут внедряться в трудовую среду, тем серьезнее они подойдут к организационному вопросу и тем успешнее разрешат его.

ОБ АНАРХИЗМЕ И АНАРХИСТАХ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Получив 131-й № "Американских Известий" от 18-го июня 1924 г., я прочитал там послание "Группы русских анархистов в Германии" по поводу нашего письма на смерть Ленина. Все это послание настолько претенциозно, что я совершенно не имею желания полемизировать с его авторами, считая ниже своего достоинства обижаться на истерику нервно больных людей, тем более, что достаточно полный ответ на возражения по существу мною был дан от 25-го марта и его можно прочесть на страницах тех же "Американских Известий".

Однако, считая что для заграничных товарищей гораздо интереснее познакомиться с общей конъюнктурой движения в России, чем следить за выкриками тех

или других спасителей анархизма, позагая важным расшеять некоторые недоразумения и выяснить действительное положение вещей, я считаю себя обязанным ответить статьей общего характера, отнюдь не претендующей на полноту или на использование материалов по истории движения, но все же подводящей некоторые итоги из тех, что уже подвести можно и указывающей некоторые меж, уже резко обозначившиеся и несомненно дающие нам понять, что надо делать для развития анархического движения и как его во всяком случае делать не надо, чтобы не создать вместо анархического движения ублюдочную смесь анархических выкриков с беспардонностью партийных демагогов.

Когда в марте 1917 г. разразилась революция, силы, шедшие с ней и против нее были таковы: 1) Монархисты всех видов, 2) Кадеты и близкие к ним, 3) Эсеры и меньшевики, 4) большевики, левые эсеры и максималисты, 5) анархисты.

Период Временного Правительства был подготовительной эпохой, которую в апреле 1917 г. (Клич № 1) я определил в следующих словах: "Область социально-экономических отношений —

вот поле предстоящих великих боев, ибо не надо закрывать глаза: интересы уже наметились, аппетиты определились и в настоящий момент под корою внешнего единства, еще прочного боязнь реакции, кипит лихорадочная организационная работа, готовятся кадры армий, которые выступят скоро для беспощадной борьбы за власть".

Во Временном Правительстве обосновались кадры и эсеро-меньшевики, в Советах — эсе-

ро-меньшевики и большевики вместе с левыми эсерами и максималистами.

Две власти — Временное Правительство и Советы начинают борьбу за преобладание, располагая следующими силами: кадеты опираются на либеральную буржуазию, интеллигенцию и чиновничество, эсеры на среднее и зажиточное крестьянство, а меньшевики на более квалифицированную часть пролетариата, большевики — на массы неквалифицированных рабочих, по большей части еще не вполне выкристаллизовавшихся из крестьянства. Революция застала организованными только силы буржуазии, чиновничества и кадетствующей интеллигенции, собранные в Союзе Городов, в Земском Союзе, Земгоре и т. п., что же касается крестьянства, то оно было совершенно неорганизовано, но механически собрано благодаря войне в войсковых единицах — в тот момент единственных формах крестьянского объединения и с помощью эсеров напряженно пыталось объединиться в Солдатских Советах в то время как неквалифицированный пролетариат лихорадочно объединялся большевиками.

Сила эсеров была в организованном крестьянстве, но пока, оно было организовано только благодаря армии... Поэтому гибель армии была равнозначна гибели самих эсеров... Таким образом начинается борьба за армию, а стало быть за продолжение войны, ибо без войны армия существовать не может. Эсерам же во что бы то ни стало надо было оттянуть время, чтобы успеть организовать крестьянство вне и помимо армии в организациях Крестьянского Союза, после чего они могли бы согласиться на мир и спустить армию. В силу этого им надо было сохранить армию, но вырвать ее из рук кадетствующего офицерства, что можно было сделать только путем передачи войсковой власти из рук офицерства в руки солдатских, т. е. крестьянских советов. Большевики же, организуя рабочие массы, стремились вовлечь крестьянство в свою ориентацию, поставить его под идейное руководство неквалифицированных рабочих, находившихся под их влиянием.

В силу этого они стремились к разложению армии, чтобы тем обессилить не только кадет, но и эсеров. Поэтому то первый удар большеви-

ков и был направлен на организацию армии. Но т. к. этот удар был первым шагом и в знаменитом "Приказе № 1" призывал к организации советов, а потому шел как будто в пользу эсеров, против кадет, подрезая авторитет офицерства, то он и был принят эсерово-большевическим Советом.

Этот приказ пока явно бил только по кадетам и они возмутились против него в первую голову, но затем и эсеры стали замечать дальнейшую разлагающую его роль, когда сюда присоединился второй удар — лозунг: "долой войну", ведущий за собой с железной логикой — долой армию, долой организацию крестьянства, а значит — долой эсеров. Эсеры почувствовали, что почва уходит из под их ног: требовать победной войны было немыслимо, а согласиться на мир — значило кончить самоубийством — отсюда совершенно нелепый лозунг оборонительной войны. Отсюда же и попытка Керенского увлечь массы победой.

Однако через некоторое время кадеты почувствовали, что гибнут и негласно выдвигают корниловщину. Победа корниловщины была бы гибелью армейских советов, под прикрытием которых шла организация эсеровствующего крестьянства и потому эсеры восстают против корниловщины: в результате — кадеты раздавлены...

Но лихорадочным темпом идет организация неквалифицированного пролетариата под эгидой большевизма. Советы рабочих втягивают в свою ориентацию армейские и крестьянские советы и постепенно ослабляют эсеров.

С другой стороны эсеры чувствуют, что они не в силах справиться с большевиками и начинают опираться на только что разбитых кадет, вместе с ними выдвигая лозунг Учредительного Собрания, под сень которого ставя и само Временное Правительство. Так к Октябрю складываются силы и фронт гражданской войны. Наконец последним ходом — долой войну, земля народу — Ленин во главе большевиков окончательно выбивает почву из под ног эсеров и тем самым отбрасывают их в ряды Колчака и Деникина.

Заслуга Ленина состояла в том, что он сумел преодолеть маркенистскую теорию "выварки

в капиталистическом" котле всего крестьянства и тем поставил большевиков в ряды защитников крестьянского захвата земель, чем достиг признания даже от анархистов: "Все политические партии повинны в том, что загнали революцию в тупик. Одна из этих партий в значительной мере искупила свою вину тем, что сама же и выбила революцию из тупика. Я говорю о большевиках. В этом их первое оправдание. Второе их оправдание — решительная, пока что, политика мира". ("Как быть" Волни: "Голос Труда" № 19, 1 декабря 1917 г.).

Тогда мы не писали ничего в похвалу большевикам, потому что видели и знали их цену и не ждали от них ничего большего чем то, что они могли дать, но теперь мы говорим, что в итоге они дали нечто на что никак нельзя было рассчитывать, ибо что бы ни делалось впоследствии, но санкционирование правительством захвата земли — шаг крайне важный, ибо совершенным пустяком является мнение, будто крестьянство само могло бы захватить землю в сколько нибудь долгое пользование.

Само крестьянство без специальной организации совершенно бессильно в борьбе за землю и никогда не может дать ничего кроме отдельных всплесков.

Крестьянство не объединяется подобно пролетариату в течение самого производственного процесса и потому должно само создавать свою организованность, что требует затраты массы лишних сил.

Потому-то в истории мы видим постоянную слабость крестьянства и потому же ленинская диверсия была шагом величайшего значения, так что никакие дальнейшие изменения большевистской политики не в силах стереть последствий его, последствий неизмеримо более благоприятных для крестьянина России, чем аналогичное явление для крестьянина Франции в 89 г. Это же явление, та же роковая неорганизованность крестьянства губила всегда всех кто пытался на него опереться... Так погубила она эсеров правых, а затем и левых...

Как бы там ни было, но в происходящей беспощадной борьбе за власть после Октября, силы левого фронта состоят из большевиков, ба-

зирующих почти исключительно на неквалифицированных рабочих и из левых эсеров, опирающихся на левую интеллигенцию и крестьянство — среднее и беднейшее. Происходит дальнейшее расхождение и в чрезвычайно остром столкновении в 18-м году левые эсеры оказываются побежденными, предварительно, в мае, при помощи большевиков разгромив анархистов, ибо анархисты в мае были разгромлены главным образом благодаря левым эсерам в виду того, что пропаганда анархизма была более страшна именно левым эсерам, чем большевикам.

В середине 18-го года падают левые эсеры и большевики одни оказываются на левом фронте против всех остальных сил, раздражаемых междоусобиями. Очень сильно помогли большевикам в их борьбе деньги, пожертвованные большевиком-фабрикантом Морозовым, а в дальнейшем захват колоссальных сумм казначейства и короны, хотя и ослабленных вывозом золотого фонда.

Тем не менее большевики создали наемную армию, купив искусство спецов всякого рода и прибавив его к энтузиазму горсти идеалистов. В дальнейшей борьбе крестьянство почти не участвует, а если и участвует, то скорее за большевиков, давших им землю, т. к. пресловутое заседание Учредительного Собрания передавшее землю крестьянам, было эсеровским 4-м августа. Пытались опереться на кадет против большевиков, эсеры потеряли симпатии крестьянства и большевики вырвали у них их же крестьянскую политику, поведя ее более прямым образом.

После лево-эсеровской попытки начинается период укрепления власти. Россия почти растерявшая свой пролетариат и интеллигенцию, оказалась колоссальной равниной, кое-где покрытой крестьянскими хатами да почти вымершими городами. А между тем в этих городах была основа и опора большевиков, т. к. хотя эти города и не представляли из себя по большей части ничего общего с городами промышленными, но все же там находилась главная масса полурабочего полумещанского населения, служившего опорой большевизму. Город погибал в гражданской войне и голоде — нужно было во что бы то ни стало спасти город и большевики начинают

из города беспощадную экономическую войну с деревней разлагая ее подкупами в комитетах бедноты, где полномочия этих комитетов прельщали и соблазняли возможностью быстрого обогащения вместе со сведением и личных счетов.

Наконец, превратив все крестьянство в Вандею, город, большевистский город победы и большевики снова меняют фронт для завоевания теперь уже если не симпатий, то по крайней мере нейтралитета со стороны крестьянства. Однако победа над деревней досталась большевикам ценой ряда уступок буржуазии, выразившихся в принятии НЭП'а. Вернее, это была уступка не столько буржуазии, сколько хищнической спекуляции. Как бы там ни было, но славив деревню и снова сделав ее данницей города, большевики не смогли так просто разделиться с НЭП'ом и он остается.

Остается и неуверенное положение большевиков, пытающихся теперь опереться на средняка, что хотели когда-то сделать эсеры, но присоединив сюда столыпинский уклон земельной политики.

Так завершился полный круг от абсолютизма к абсолютизму — роковой круг всякой власти в России. И из этого круга нет выхода иного, чем отказ от власти... Сумеют ли большевики разбудить гигантскую страну путем постепенного отказа от власти и вовлечения широких масс в дело строительства — покажет будущее, но уже совершенно ясно, что перед ними лежат только и только две возможности — отказ от диктатуры и возрождение страны, или же диктатура до нового переворота, тем более, что только отказом от диктатуры и ее последствий можно вновь привлечь пролетариат Запада к Революции, пока отброшенный от нее ужасами этой диктатуры.

Сейчас большевики, как партия, по отношению к стране находятся в положении спартаковцев в Мессении, т. е. представляет из себя с ног до головы вооруженный лагерь, находящийся в завоеванной стране и ясно, что долго так продолжаться не может... Если они будут достаточно мудры, они пойдут на уступки, если же нет, то погибнут и тем откроют путь для реакции.

Таково суммарное изложение хода событий Русской Революции. Какую же роль играл в ней

анархизм? Мы будем говорить сейчас об анархизме идейном, а не об анархизме стихийном.

Прежде всего приходится отметить одну особенность анархического движения вообще. Дело в том, что всякое движение постольку может представлять из себя движение планомерное, поскольку оно обладает определенным кадром средних "ежедневных" работников. Такие работники в каждой партии или движении создаются принадлежащей к ним интеллигенцией. Однако самым властическим элементом общепития является как раз интеллигенция, которая стремится к власти во что бы то ни стало, к власти, если даже не своей личной, то во всяком случае к власти своей идеи. Поэтому к анархизму интеллигенция приходит крайне редко (говоря, конечно, в массовом масштабе). Отсюда следует, что в анархическом движении принимают участие или очень крупные интеллигенты или интеллигенты очень мелкие... Массовая средина отсутствует, а потому нет сил... В этом величайшая слабость анархического движения, которую надо во что бы то ни стало преодолеть, если мы хотим, чтобы анархическое движение получило могучее планомерное развитие.

Русское анархическое движение особенно отличалось отсутствием среднего слоя образованной анархической интеллигенции, одновременно революционной и культурной. Поэтому, при наличии масс, склонных к анархизму, при наличии ярких анархических моментов в самом движении, анархисты ничего не смогли достигнуть кроме вспышек, нередко вырождавшихся в силу малого образования малых знаний инициаторов и руководителей в свою прямую противоположность и послуживших большевикам, т. к. они всегда были достаточны для разложения противников большевизма и далеко недостаточны для борьбы с самим большевизмом.

К моменту Русской Революции анархическое движение оказалось представленным небольшими кучками анархистов внутри России и, также, небольшой группой приближавшихся к России эмигрантов. Массы русского народа — крестьянство, рабочие — почти не знали анархизма, даже интеллигенция в большинстве просто почти ничего о нем не слыхала, а небольшие группы со-

знательных анархистов отличались больше анархическим темпераментом, чем знанием анархической литературы.

Представления таких "вождей" анархизма, какими были, например, братья Гордины являлись убогой смесью обрывков мыслей, нахватавшихся без смысла и системы и тот факт, что оба брата пользовались одно время популярностью в анархически настроенной массе, говорит именно о смутном сознании этой массы.

Эмигранты, за исключением немногих отдельных лиц, также не блистали знанием, умением, широтой взглядов и образованием... Это были по большей части люди непосредственного действия, далеко не заглядывавшие и потому, как и прочие, в социально-политическом смысле достаточно слепые.

Наиболее спокойные и уравновешенные из анархистов, более далеко видевшие, прекрасно понимали, что дело анархизма в данный момент состоит в систематической, настойчивой и неуклонной пропаганде сознательного анархического мировоззрения, остальные же пошли путем лозунговой, митинговой пропаганды, увлекшись ее массовым характером и не пытаясь закреплять свою работу систематической обработкой масс, забывая, что социалисты работали систематически около 30-ти лет, чтобы распропагандировать эти массы. Политическая наивность вождей этого направления сказалась еще и в том, что они были полны каких то иллюзий, каких то надежд на то, что в Русской Революции партии могут оказаться не партиями, могут вместо борьбы за власть заняться, например, благотворительностью в пользу неудачных политиканов из анархического лагеря... Понятна поэтому крайняя непрочность результатов этого направления... Однако и это было бы еще ничего, но благодаря тому, что идейный багаж этого направления был крайне эфемерен, шедшие этим путем невольно подчинялись более мощно проработанным схемам большевиков и начинали бессознательно следовать их тактике. Это сказалось в развитии странного направления, которое имело себя анархо-синдикализмом, а иногда, единым анархизмом, хотя ни единства, ни синдикализма, ни, даже анархизма там совершенно не было, ибо под общими

формулами освобождения крылось самое обыкновенное стремление к власти. Так разворачивается дикая картина "анархо-синдикализма", течения специально для высоко-квалифицированных рабочих, опирающегося на крестьянские отряды совершенно иррегулярных войск Махно. Так постепенно русские "анархо-синдикалисты" втягиваются в борьбу за власть и в поисках реальной опоры, находят ее в войсках Махно. Там они создают или поддерживают свою че-ка, свои расстрелы, свой принудительный набор и т. д. вместе с полным бессилием положительного творчества.

Как бы там ни было, но Махно и "Набат" были разгромлены... После них на Украине осталось много странных анархистов, бывших набатовцев, которые наполняли тамошние че-ки, в качестве, увы, агентов, а не заключенных, совершенно искренне и наивно считая себя по прежнему анархистами—до того небрежно они были распропагандированы — и вплоть до нашего времени газеты коммунистической партии пестрят "уходами" раскаявшихся набатовцев, признающих эту партию единственным руководителем революционного пролетариата.

Результаты крайне печальные, т. к. этого могло и не быть, а могло быть заложено начало действительно крепкому и здоровому движению.

Внутри России, если не считать отдельных лиц и небольших групп, державших свои направления, в это время текла гегемония братьев Гординых с одной стороны, а с другой — группы "Голос Труда", задавшей целью наряду с Бакуниным, Кропоткиным и немногими другими подлинно нужными авторами, ослепившись русских читателей звездами французского синдикализма, книги которых могли быть интересны для нас десяток лет тому назад, а после революции превратившиеся с точки зрения момента в хлам, которым до сих пор полны книжные склады "Голоса Труда". Эта группа, полная сектантского невежества и никогда никакой роли в движении не игравшая, закрыла для русских авторов анархистов всякую возможность писать, ибо она печатала только то, что было достаточно старо, бесцветно и бесполезно... Вообще здесь своевременно отметить печальную участь русско-

го книжного анархического рынка, где бр. Гордин продавал анархическую литературу только тем, кто соглашался на определенный процент брать при этом сочинения самих бр. Гординых, а "Голос Труда" просто не продавал своих книг тем, кто им не нравился, так они одно время не продавали книг Всероссийской Федерации.

А между тем, ровно ничего не понимая в русской действительности, издавая для русского крестьянина или рабочего ничемную французскую литературу и совершая своеобразное преступление — монополизировав возможность издания книг по анархизму "Голос Труда" взял на себя и монополию информации заграницы, причем и здесь вел себя так же исключительно и авторитетно, как будто за ним было дело, а не мыльный пузырь. Брызгая пеной и бешенством на большевиков, как будто большевики ради их прекрасных глаз могли бы и не быть большевиками, помогая бесшабашной руганью только реакции, группа неудачников в анархизме вообразила только себя представителями русского анархического движения... Удивительная скромность со стороны в особенности тех, кто никогда не мог создать ничего подлинно анархического, ничего выходящего за рамки узкого сектанства... Даже черный крест ими не мог быть наложен так, чтобы служить всем анархистам, а не только привилегированным, анархистам по преимуществу.

Как бы там ни было, но "Набат", "Голос Труда" и бр. Гордины — обобравшие подконец — один брат Петроградскую Федерацию, а другой — Московскую, разбросанные кучки неприкаянных индивидуалистов — с одной стороны, с другой — планомерная работа Всероссийской Федерации, благодаря которой миллионы анархической литературы, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы, были распространены по городам и особенно деревням. Наряду с Всероссийской Федерацией работал целый ряд отдельных товарищей и групп в параллельном с ней направлении, но около одной Всероссийской Федерации и в ней самой объединялось около пяти тысяч товарищей. Через эти пять тысяч растекалась литература и шла организационная работа. Для публики из "того" лагеря эта работа

была не видна и они не замечали ее в пылу тех громов, среди которых жили они сами. Так или иначе, но из причастных Федерации не оказалось, за исключением неизбежных единиц, "сознательных" сотрудников чрезвычайек, тем более ее устроителей.

Колоссальная работа создания сознательной анархической массы делается и должна делаться не смотря ни на какие препятствия и трудности, ибо без нее никакие выкрики, никакое манифидство делу не поможет.

Наша работа трудна, чрезвычайно трудна, но кто понимает ее и ей сочувствует из заграничных товарищей — тот так или иначе поможет нам потому что эта работа рассчитана на десятилетия, а не на феерию кинематографических романов. Пусть же товарищи в Америке разбираются, поскольку возможно — мы им можем в этом, но пусть знают все, что хунтаские выходки, откуда бы они ни исходили, мы обходим презрительным молчанием.

Ясно, что задача товарищей анархистов заграницы заключается в достижении того, чтобы ближайшие революции были не большевистскими, а анархическими, но пусть товарищи смотрят, чтобы хоть большевистская, а все же революция, благодаря и их агитации не превратилась просто в махровую контр-революцию. Товарищам следовало бы обратить внимание, тем более, что они сами живут "заграницей" — отчего это при всех свободах небольшевицкого режима, дело анархизма поднимается вперед довольно слабо — стоит прислушаться к голосу хотя бы Жан Грива по поводу Франции, да, насколько я знаю, как будто и в Соединенных Штатах дела не блестящи, а между тем "с чего бы это?". "Думается, если бы товарищи анархисты попытались дать себе ответ по существу, а не для спокойствия только, то они пришли бы к тому же к чему пришли и мы, пользуясь гигантским опытом русской революции — надо хотя бы зубами, а вырывать у буржуазного общества, у обстоятельств, у окружающих условий образование, подлинную сознательность, высокое сознание морального долга и истинную солидарность всех анархистов, такую солидарность, которая не мешала бы им быть глубоко терпимыми друг к другу, не ме-

шла бы им совместно работать во имя всем нам дорогого идеала анархии.

20 июля 1924 г.

А. А. Солонович.

ОТ РЕД. КОЛЛЕГИИ. Статья Солоновича является попыткой оправдать свое и некоторых других московских анархистов выступление в связи с выражением сожаления по поводу смерти Ленина. Солоновичу очевидно не нравится то, что русские анархисты за границей, да и вообще анархисты других стран, за исключением нью-йоркской еврейской анархической газеты "Фрай Арейтер Штимме", составили себе определенно отрицательное мнение как о большевистской революции, так и ее предводителя Ленине, которого оплакали Солонович и несколько других московских анархистов.

Все это выступление нам представляется каким то дешевым политиканством и услужливством властям предержащим. В истории анархического движения это — первый случай преклонения и восхваления анархистами представителя власти и при том власти диктаторской, самой зверской и самой беспощадной к анархистам.

Это обстоятельство или вернее недопустимое с анархической точки зрения выступление и слезы некоторых московских анархистов и порождают все эти "выкрики спасителей анархизма". Не было бы плача — не было бы и этих выкриков. Причина вызывает следствие. И кричать действительно надо!

Как изложение хода развития русской революции, статья Солоновича представляет известный исторический интерес, но некоторые его выводы и заключения представляются нам спорными и подлежащими сомнению. То, что Ленин в земельном вопросе отступил от своих марксистских принципов это — верно. Но сделал он это под напором крестьянской массы, которая о "выварке в капиталистическом котле" и слышать не хотела.

В земельном вопросе Ленин продался с крестьянами все тот же старый, хорошо известный всем политическим дельцам фокус — обещания крестьянам на словах всех благ земных, а в действительности превращения крестьян в государственных крепостных. И ни для кого теперь не секрет, что, несмотря на все эти Ленинские диверсии, земельный вопрос в России разрешается чисто по-столипински. Крестьяне по-прежнему пахнут на своих убогих полях, а в захваченных государствах

иных насаждаются новые красивые помещики под видом "коммун", собираемых большевиками по всему берегу-су-су.

Мы далеко не разделяем взгляда Солоновича насчет возможности отказа большевиков от диктатуры. От этих самых жалких к власти людей трудно ожидать такого поворота. Во всяком случае действительно было бы анархистам уподобиться разного рода русским либералам и мечтать о смягчении и превращении в нечто человеческое большевистской власти. Как и всякая деспотия, она может погнубить только при стечении неблагоприятных для нее обстоятельств и таким же образом, как пал и кровавый режим Николая Романова.

Не пугают нас и страхи реакции. Большею реакцией нежелан большевистская Россия еще не видывала, и вряд ли есть такие люди или политические партии, которые могли бы пережегать в этом отношении и затмить славу большевиков. Мы не боимся реакции. Уничтожение большевистской реакции будет означать крушение реакции вообще и наступление в России новой человеческой жизни. Мы отвергаем всякую революцию, в том числе и большевистскую, которая приводит к деспотизму и тирании и мы считаем долгом каждого анархиста и каждого честного человека бороться против такого сорта революций. Мы считаем, что, борясь против большевистской тирании в России, мы боремся именно против самой оголтелой контр-революции и не мы, а большевики и все их защитники являются самими настоящими контр-революционерами.

Согласны мы с тем, что об анархизме в России имели смутное понятие, согласны и с тем, что анархисты должны быть политически грамотными людьми и "хотя бы зубами, а вырвать у буржуазного общества, у обстоятельств, у окружающих условий образование, подлинную сознательность" и т. д. Все это действительно нужно анархистам, но во имя всего этого, однако, нельзя анархистам оправдывать своих разных уклонов и недопустимых компромиссов.

Кроме того, образование далеко не все еще в анархическом движении. Учиться и учиться надо, но знание хотя бы высшей математики, политической экономии и даже всех наук не гарантирует еще того, что анархисты, обладающие всеми этими знаниями, не могут быть подвержены ошибкам, дурным поступкам и заблуждениям, как это наблюдалось во время русской революции и теперь еще наблюдается в отношении некоторых анархистов, считающих себя образованными людьми.

ЗАПИСИ ТЮРЕМНЫЕ.

Марк Мрачный.

(Продолжение).

14 февраля, 3 часа пополудни.

Безумно устал от калейдоскопических переживаний вчерашнего дня, необычайного шума, который там господствует у тех, кто на свободе, от рукопожатий, поцелуев и т. д. Все же чувствую, что не могу заснуть, пока не побеседую с моим дневником.

Вчера в десять часов утра, когда мы уже

потеряли всякую надежду получить какой-нибудь ответ от президиума В. Ч. К., вошел в камеру Дукес и задал, не спеша, как будто самый обыденный, вопрос: — "Вы согласились бы пойти на похороны?.."

Мы открыли широко изумленные глаза.

Не то смущенно, не то деланно-равнодушно Дукес проронил: — Если вы согласны, то вам

надобно поторопиться: вас ждут.

Он вышел. Сборы у нас были до минимума — недолгие. Через несколько минут как всегда солидный надзиратель открыл нашу камеру. Нас повели на четвертый этаж, в канцелярию начальника тюрьмы, где встретили уже А. Барон, Фани Барон, Алексея Олонецкого, А. Гувеского и Ольгу Таратуту. Каждый из нас расписался на заранее приготовленной бумажке, что через сутки вернется обратно в тюрьму. Затем нас повели вниз. Не хотелось говорить перед чекистами, но чувствовалось общее возбужденное состояние. Арон, Алексей и Саня (Гувеский) сильно поддались, лица у них были сильно изможденные. Еще хуже был вид женщин: Оля, казалось, совсем поседела, а лицо Фани приняло какой-то нездоровый, землистый оттенок.

Внизу нас провели по двору и выпустили через тюремную канцелярию. Нас дожидался с автомобилем Владимир Бармаш и еще какой-то товарищ, которого я не знал. Мы справились у товарищей почему нет с нами других арестованных анархистов, но те нам сказали, что остальные арестованные все в Бутырках и за ними уже поехали. Автомобиль нас в несколько минут довез до "Дома Союзов", что на Малой Дмитровке, где стояла громадная масса народу и кого то дожидалась с нетерпением и любопытством. Как только наш автомобиль появился послышались крики "везут арестованных", двери автомобиля открылись и — бросились нас целовать. Видно, я расслаб за эти два месяца тюремного заключения в полутемной камере без прогулок. Кружилась голова от всего этого шума, от поцелуев, радостных возгласов, бесконечных рукопожатий. Кто то в толпе плакал. Назойливый фотограф нас всячески "увековечивал". А я себя чувствовал по-детски неловко и было стыдно. Стыдно, что нам уделяют столько внимания, стыдно, что многие, как-будто о похоронах позабыли из за нас. Стыдно за то, что я едва держался на ногах... Нас провели в Колонный зал "Дома Союзов", где на возвышении стоял открытый гроб с телом П. А.

Я не помню хорошо, как мы вынесли тело и как мы совершили с ним последнее путешествие...

Был прекрасный морозный солнечный день, один из тех дней, когда лучше и глубже всего можно чувствовать красоту этого необычайно нежного и подсушающего города — Москвы. Шли мы долго, медленно и спотыкаясь. Над нашими головами реяли знамена. Вот знамя "Конфедерации Анарх. Организаций Украины "Набат", вот знамя с требованием освобождения анархистов из тюремных застенков, а там впереди знамя "Росс. Конфедерации Анархо-Синдикалистов". Пели нестройно "Марш анархистов", такой заунывный, что невольно слезы глаза заволакивают (должно быть, отвык от настоящего света). Меня кто то особенно дружно взял под руку и начал о чем то расспрашивать. Я товарища не узнал, а может быть, я его впервые видел. Но рука его меня дружески-крепко поддерживала, глаза смотрели на меня с особой внимательной нежностью и голос его был грудной и мягко-музыкальный. Казалось: где-то в толпе чужой встретил старого близкого друга. Почувствовал себя лучше и спокойнее, отвечал менее смущенно на приветствия, искал глазами лица близких друзей и товарищей. А люди, лица, знамена плывут в ослепляющем блеске этого дня, прекрасного и прозрачного, как стих Пушкина и такого же сдержанно целомудренного. Я устал от необычайно-далекого пути, от ослепительного снега, бодро хрустевшего под ногами, света и — отстал. Когда я пришел на кладбище, я оказался совершенно одним среди толпы чужих людей. Произносили речи.

Похоронные речи мне всегда кажутся глупо противоестественными: смерть, как и любовь, нужно торжественно, без слов приветствовать. Возможно, речи нужны живым. Возможно, у меня неверное предубеждение, но все слова мне кажутся ненужными и жалкими побрякушками в присутствии Великой Молчалиницы — смерти... Не дождавшись конца, я ушел тихо с кладбища. Некоторое время шел задумавшись. Потом осмотрелся: никто за мной не следит. Значит: я в самом деле совершенно один и — свободен. Меня пронизала всего волна радости, трепетной и просветленной, как этот день. Хотелось, как маленький мальчик, взлезть на высокую крутую гору с санками и спуститься вниз

головокружительно. Хотелось растянуться на нежном снегу и проникнуться этим холодным солнцем, которое так ласково целует землю в белое парящую...

Я побежал. Я, видно, не мог больше ходить. Тянуло куда-то. Редкие прохожие воскресно-сонных улиц Москвы могли видеть, как какой-то бородатый очкастый дядя, одетый в солдатскую шинелишку и безобразно худых сапогах бежал, как резвый жеребёнок, по направл. к Страстному бульвару, спотыкался, падал весело и продолжал неунывающий свой бег.

Забегал на минутку к моему другу юности, от которого давно отошел внутренне, но которого любил посещать из-за его богатой библиотеки и из-за его тонкого чувства книг. Он меня встретил необычно тепло и, даже, согласился дать мне в тюрьму тех авторов, которых пожелал. Он вертелся по своей комнатухе, сплошь заваленной книгами, в нерешительности, затем решительно развязал какой-то узел, вынул несколько папек папирос (видю, бедняга, получил их в качестве пайка и надеялся обменяться на книги, а, может быть, и на хлеб...) и начал приставать ко мне, чтоб я их взял. У него был такой трогательно-просящий вид, что я боялся обидеть его и взял папиросы. Посидели немного, помолчали. Начал выбирать книги. Искал тех авторов, кто лучше всего подойдет к моей келье. Странно: многие книги когда-то привлекали, а теперь стал равнодушен, или вырос, не знаю. Выбрал, наконец, небольшую пачку: "Опыты" Монтеня (хорошее старинное издание), томик маленьких драм Метерлинка, "Эскиз морали без санкции и принуждения" Гюйо и — библию. В тихом обществе этих "вечных спутников" красочней будут протекать часы заключения. С другом моим разговор как-то не клеился. Слова все казались мне ненужными и как будто невыражающими главного. Если бы покойник вернулся бы на несколько часов с того света, ему, должно-быть, тоже многое показалось бы не главным, не стоящим слов. И он, чуждый и как бы отдаленный, ушел бы не открыв уст своих.

Пожал просто и крепко другу руку и ушел в клуб анархистов. В первой довольно большой комнате стояло и сидело много народу: ра-

бочие, молодежь, красноармейцы. Можно было сразу узнать нескольких господ, которые особенно усердно и громко поддерживали оратора, который на небольшой эстраде стоял и говорил об учении Кропоткина (шпики? или так показалось). С трудом пробрался в следующую, менее людную комнату. Там за большим столом в полумраке сидели разные люди, лица которых не мог разобрать, пили чай с каким-то мармеладом, возбужденно о чем-то разговаривали; некоторые тихо разговаривали в углу. Я, в поисках знакомых товарищей, зашел в третью комнату. Сидели там: А. Беркман, А. Боровой, Э. Гольдман, Максимов, Шапиро, Оля Фрейдлин и некоторые другие товарищи, которых не узнал или не знал раньше. Оказывается, должно сейчас открыться собрание "Комиссии похорон П. А. Кропоткина". Дожидаются нас, которых почему-то особенно почтительно величают "товарищи заключенные". Встретили очень тепло, начали чаем и бутербродами угощать, смотрели как-то особенно приветливо или жалостливо. А мне было как-то не по себе. Утомляли внимание и жалостливость и громкий разговор (я пришел, ведь, из тихого царства) и некоторые любопытные взоры. Я себя героем ни столечку не чувствовал (я делаю только свое дело) вместе с тем и не несчастным. Пусть бы продолжали свои разговоры и дали мне кое-с-кем из более близких мне отойти в сторонку и расспросить о том и о тех, с кем я все время мысленно...

Сказалась и усталость от непривычно деятельного дня. Слушал рассеянно или, вернее, нужно было делать над собой большое усилие, чтобы разобраться в том, что говорилось в комнате, за столом, за который меня посадили. Как будто стена из толстого стекла мешала словам дойти до моего сознания.

А там, в другой комнате, раздавалась страшная громкая и резкая речь А. Барона. Он, говорят, успел на кладбище произнести громкую отповедь большевикам и уже с ними, а, видно, усталость его не берет: снова закатил на час. Давид подошел ко мне, еле волоча ноги в громадных, с чужих ног, сапогах и полу-жалобно, полу-шутя прошептал: "Нет, брат, у нас на квартире спокойнее". Но его скоро отозвали. Оказа-

лось, что его младший брат — Марк Коган, который убежал недавно из Самарского концентрационного лагеря, приехал нелегально и, узнав с тем, что нас на сутки освободили, не удержался и явился в клуб на свидание с братом. Меня крайне растрогала неожиданная встреча этих двух пленников диктатуры Р. К. П. Какие у них обоих славные лица, сколько стыдливо-затаенной ласки у них во взорах!

Вечером мы разными путями пошли на квартиру одного молодого товарища, где должно было состояться собрание некоторых работников Конфедерации "Набат". Товарищ, приехавший недавно с Украины, сделал нам доклад о положении организаций на местах. Радостно было констатировать, что несмотря на холодно-подготовленный и жестоко проведенный разгром наших организаций по крупным центрам и деревням Украины, все же удалось уцелевшим товарищам снова приняться за свою революционную пропагандистскую и организационную работу. Кое-какие решения были приняты нами на этом собрании. Затем возник другой вопрос, поставленный неожиданно для меня и Д. на нашем ночном бдении: некоторые товарищи начали предлагать нам, освобожденным из Внутренней Тюрьмы В. Ч. К. на сутки под честное слово, скрыться и в тюрьму добровольно не возвращаться. Говорилось о необходимости постановки более прочной организационной работы, о необходимости связи с заграничными анархическими организациями и т. д. Несколько паспортов уже было готово, были готовы и квартиры для нас, в случае нашего согласия бежать. Пришлось долго и упорно доказывать товарищам, что хотя свобода и деятельность наша на воле нам бесконечно желанны, но никоим образом нельзя дать нашей тюремнице, Росс. Коммунистич. Партии, демагогической возможности обвинять анархистов в несдержанном честном слове. Пришлось, во-вторых, указывать на то, что следствием нашего побега явятся: немедленные аресты Московских товарищей и, в особенности, "Комиссии по устройству похорон П. А. Кропоткина".

Увещания и споры ни к чему не привели. Постановлено было никаких обще-обязательных

решений по вопросу о побеге не принимать: каждому из нас предоставлялось право решать этот вопрос лично для себя. Собрание кончилось. Приступили к чаепитию, к частным разговорам, воспоминаниям и веселой товарищеской беседе. Барон рассказывал о своих бесконечных перепалках с начальством тюрьмы. Фанни Барон и Ольга Таратута сообщили нам о жизни в Бутырке, где они пробыли некоторое время в более "свободной" тюремной обстановке. Посыпались шутки, смеялись весело и беззаботно.

А, между тем, ночь бледнела в комнате. Электрический свет небольшой лампочки желтел, становился каким-то фантастическим и скоро стало серое зимнее утро. Все невольно затихли, выпавшие глаза на измученных лицах говорили невольно о том, что скоро, через несколько часов, нам снова нужно будет вернуться в тюрьму, снова вернуться в могилу Р. К. П.

Сели писать быстро письма родным и близким. Хотелось использовать последние минуты оставшейся свободной ночи для разговора с теми, которых не было с нами, но к кому танулись наши мысли. Тихо и сосредоточенно писал каждый из нас в голубеющих сумерках февральского утра. Скоро осветила окно нашей комнаты слабая, как-бы извиняющаяся улыбка чашоточного солнца...

Незаметно и бесшумно, чтобы не провалить квартирных хозяев, вышли мы на малолюдные улицы Москвы.

Когда мы пришли в Клуб Анархистов, там дожидалось нас много наших товарищей и друзей. Посидели немного с тем, с другим, покурить, обменялись некоторыми незначущими фразами. Было трудно говорить, слова все казались лишними и неважными. И товарищам нужно было, видно, делать большие усилия, чтобы притвориться спокойными и, даже, веселыми. Шутки как-то не выходили. Было немного такое настроение, как в камере осужденного на смертную казнь. В сущности, возвращение наше в жутко-молчаливую Внутреннюю Тюрьму может и равняется медленному умиранию. В. Ч. К. может вполне заслуженно претендовать на ту-же надпись, которая, по словам Данте, красуется над входом в ад: "Оставьте всякие надежды, сюда

входящие!»

Некоторые приходили, крепко пожимали нам руки и уходили, другие старались шутить, говорили, даже, о шумных проводах до ворот тюрьмы. Но мы еще накануне вечером отсоветывали от таких проводов-демонстраций, которые могли только повлечь за собой еще лишние аресты и бессилия. Вместе с тем, есть для тех, кто пока на воле и действительно хочет что-нибудь полезное делать, более нужная и важная работа, чем садиться в тюрьму. Некоторые товарищи нас усиленно угощали хлебом и сладким чаем. Всякий старался как-нибудь нам выразить ласковую нежность. А я уже чувствовал себя совершенно отсутствующим, хотелось уже скорее положить конец этим, тягостным для всех нас, минутам.

Расцеловались тихо со всеми пришедшими товарищами и вышли на улицу: было около 11 утра, уже прошли сутки на свободе и мы считали более достойным быть аккуратными. Падал мелкий снежок и сейчас же таял. Шли не спеша: почти все мы нажили за небольшой срок сидки одышку и прочие пакости. Бедный Гувеский, вдобавок, совершенно оглох. Он, оказалось, даже не разобрал ночью о чем мы так жарко спорили. Этот крепкий парень, рабочий Харьковского Паровозостроительного Завода, отбывший при Романовском режиме много лет в тюрьме и в ссылке, сейчас совсем ослаб. Его, кроме того, изводили грустные мысли о семье: жене, трое детишек мал-мала меньше.

«Всего жалче мальчонку, такой вот махонький и умный. Страсть как читать любит» — говорит он.

Еще хуже физическое состояние его сокамерника — Алексея Олонецкого. От недостаточного ли питания или от неправильной деятельности сердца у него опухоль всего тела. Только глаза у него все те же: детские, чистые, синие. И улыбка у него прекрасная и незлобивая. Он меня взял под-руку и сказал полу-шутя, полу-серьезно: «Видишь ли, друг, сидеть не страшно. Жаль только, что покалякать не с кем иногда: Саня (Гувеский) глух... как советская власть. А

бывают, знаешь, прелюбопытные мысли. Но нам скоро расставаться пора, да я стесняюсь: молженья чего доброго решить, что я слегка спятил с ума. Уже, как-нибудь, после, на воле поболтаем».

Вот уж Лубянка № 2. Мы гурьбой подошли к главному входу, но часовой нас грубо окликнул, а когда мы заявили, что пришли обратно в тюрьму, решил, видно, что мы шутим над ним или с ума сошли. Я в шутку пригрозил, что если нас так нелюбезно принимают, мы уйдем искать другую квартиру. Появился какой-то другой чекист в штатском, указал нам, с некоторым недоумением во взоре, другой вход. Пришлось и там вызывать коменданта тюрьмы: часовой требовал у нас упорно пропуска. Мы скоро очутились в грязном дворике тюрьмы, пожал друг другу молча руки и — разошлись по разным корридорам. Надзиратель встретил нас не по общему любезно и — о, чудо! даже заговорил. Видно, наш единственный «отпуск» внушил ему уважение к нам.

Давид спит сейчас. Мне не спится как-то. Все вспоминаю разные мелочи быстро промчавшегося дня, переживаю мысленно еще раз этот на века памятный день, музыка похоронная и пение отдаются в моих ушах. Я, как-будто унес с собой в полу-темную камеру немного примиренной солнечной грусти, которой были обвеяны похороны Петра Алексеевича, такого простого, великого и солнечно-человечного в жизни.

23 февраля.

Снова ходим из угла в угол. Тишину нарушает иногда только окрик надзирателя: «Тише, граждане!» Мы иногда по целым дням молчим. Только в редкие минуты читки газеты обмениваемся фразой-другой. А газета сейчас читается с большим интересом: вопрос об отношении к профессион. союзам вызвал крупный (серьезный ли?) раскол в Рос. Ком. Пар., появляются иногда довольно откровенные строки, за которые простому смертному, не обладавшему членской карточкой Р. К. П., не следовало бы.

(Продолжение следует).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ.

(ОТВЕТ ВОЛИНУ).

В июльском номере "Волны" появилась статья Волина, по поводу которой я и считаю необходимым сказать несколько слов. Прежде всего, мне хочется сказать, что я не в состоянии ответить Волину на все затронутые им вопросы; это было бы невозможно для меня ни логически, ни физически. Объясняется все это верно тем, что в статье Волина затронуто "многое множество" вопросов, не имеющих между собою ни связи внутренней, ни связи внешней. Здесь и анархизм, и критицизм, и скептицизм, и философия, и библиофильство. Здесь речь идет не только о моей статье, но речь идет и о других статьях. Даже больше этого: сюда относится Москва, сюда относится и дом Советов, сюда относятся и "слова Ломоносова". Таких статей еще никто, кажется, не писал. Для этого и в самом деле надо иметь какой-то "синтетический" склад ума. Но у меня нет такого синтетического мышления. И я должен сознаться, что писание таких статей — мне не по силам. Таких статей писать я не умею. Я ограничусь, поэтому, только немногими замечаниями.

Прежде всего я должен сказать следующее: на целый ряд предъявленных мне обвинений (демагогия, неискренность, нечестность, "обращение" читателей) я не считаю для себя возможным писать даже и двух слов. Я не желаю уверять читателей, что я — безгрешный, искренний и честный человек, а все остальные люди — какие-то лжецы и лицемеры. Я полагаю, в данном случае, что клятвами и уверениями нельзя ничего доказать. Я не могу иметь таких возвышенных суждений о себе, и таких низких суждений о других людях. Пусть люди думают обо мне что угодно. Пусть они имеют обо мне самые низкие суждения и, тем не менее, я никогда не буду уверять их клятвами, что я — не низкий человек, а человек — возвышенный.

Напрасно Волин думает, что у меня было желание "стереть его с лица земли". У меня не было этих желаний и намерений. У меня не было для этого решительно никаких оснований. У меня не было никакого желания вступать даже в какую-нибудь полемику с Воли-

ным. Я не такой уж праздный человек, чтобы мог заниматься какой-то полемикой. И, когда я писал свою статью об анархизме и скептицизме, — моя задача была очень скромная. Мне хотелось только указать на то, что философская часть статьи Волина является совсем несостоятельной. И моя критика статьи Волина была лишь некоторой гносеологической критикой. В своей статье я не касался, например, совсем всех социально-политических суждений Волина. Об этом я и не хотел писать. Все эти вопросы и суждения меня интересуют мало. И всякие суждения Волина, относящиеся к этим социально-политическим вопросам, имеют для меня второстепенное значение. Этим вопросам — грош цена. И вся эта политика есть для меня мещанство. Этим и объясняется, повидимому, мое поверхностное отношение ко всякому мещанству и к политике. И если люди пишут иногда о разных социально-политических вопросах, и не заглядывают никогда в глубинные основы Бытия, у меня нет в этих случаях никаких желаний писать что-либо против них. И все писания этих людей являются для меня только какой-то словесной гимнастикой. И если бы я, или кто-либо другой, стал возражать им на все эти суждения и писания, тогда и в самом деле пришлось бы оказывать много чести всем этим мещанам и политикам.

Но все мои искания лежат в иной плоскости. Они лежат не в плоскости мещанской, а в плоскости бытийной, в плоскости онтологической. Свое мирозерцание я не хочу склеивать из разных черепков. Для этого надо иметь какой-то мозаичный склад души. Для этого надо быть типичным мещанином. Мещанская душа живет двумя лишь измерениями: она не знает глубины, она не знает цельности. Поэтому то каждый мещанин живет лишь только в плоскости и склеивает свое мирозерцание из всевозможных пестрых черепков. Но мне все это чуждо. Политика, мещанство и политические писания меня интересуют мало. И не могу я тратить время на всякую полемику с политиками и мещанами. И, если я подвергну какой-нибудь критике статью

Волина, то я подвергнул этой критике только ее философскую часть. Когда люди занимаются разной словесной гимнастикой в сфере политики, — это меня несколько не касается. Когда же свою гимнастику они переносят в сферы более серьезные, хотя бы в сферу философии, — все это и вызывает во мне какие то очень досадные чувства... Это обстоятельство и заставило меня написать статью против философствований Волина.

Вторая статья Волина начинается с эпиграфов. Этими эпиграфами ему хотелось, вероятно, подкрепить свои шатающиеся синтетические суждения. Но все эти эпиграфы не имеют для меня абсолютно никакого значения. Лаказ-Дютье не является для меня авторитетом. Еще меньшим авторитетом является для меня журнал Берлинских анархистов. Не убеждают меня также в состоятельности волинского синтеза и все подчеркнутые фразы. Если бы даже вся статья Волина была написана курсивом, то и это мне еще ничего не доказывало бы.

Меня очень огорчает то обстоятельство, что Волин имеет очень плохие суждения о наших товарищах и читателях. Он сомневается в моей искренности, сомневается в искренности и других товарищей. Только себя он называет, очевидно, искренним. В конце своей статьи он говорит только о некоторых искренних товарищах. Все остальные для него, повидимому, люди несерьезные. Впрочем, они другими и не могут быть, если их может кто нибудь "обрабатывать". С его точки зрения, все наши читатели делятся на два лагеря: читатели волинские и мои читатели. И такое плохое суждение Волин имеет, разумеется, о моих читателях. Его читатели — другие. Читателей Волина нельзя, повидимому, "обработать". Волин пишет, например, что, излагая чужие мысли и учения, он не считал нужным упоминать никаких имен, так как учения эти известны всем людям. Достаточно, например, по его мнению, написать "вещь в себе" и всем будет понятно, что речь идет о Канте. Достаточно написать по-гречески "пантареи" и всем будет известно, что речь идет о Гераклите. Достаточно написать по-латински "cogito, ergo sum" и всем будет известно, что речь идет о Декарте. Таковы читатели Волина. Они знают

философию, они читают по-гречески и по-латински. Мои читатели — не знают ничего; их можно "обрабатывать демагогически". Так почему-то думает Волин. Если же у нас читатели одни и те же, то положение вещей мне представляется в ином виде. Если все наши читатели принадлежат к типу "обрабатываемых", если они не знают Канта, Гераклита и Декарта, тогда Волин обязан был указывать, чьи изречения он пишет и чьи учения он излагает. Если же наши читатели знают Канта, Гераклита и Декарта, тогда он не имел права даже и думать (а тем более писать), что я хочу их "обрабатывать" демагогически. В таком случае и сам Волин принадлежит к числу этих "обрабатываемых".

В своей первой статье я указал на то, что Волин излагает чужие мысли и чужие учения. Это я подтверждаю и сейчас. Хотя Волин и думает, что он излагал свою точку зрения, и разные философские положения были лишь иллюстрациями к его доводам, я все же не согласен с этим. В статье Волина нет ни одной оригинальной мысли. Это мнение я подтверждал в своей статье самыми разнообразными цитатами. Сейчас я не считаю нужным приводить вторично разные цитаты для нового подтверждения своего мнения. Сознательно это делал Волин или несознательно, я, разумеется, не знаю этого. Я знаю только то, что он не указал ни одного имени кроме Декарта, на учении которого он почти и не останавливался; он остановился на греческих школах. Статьи так никогда не пишутся. Нельзя писать так просто. Нельзя предполагать, что читатели сами догадаются, о чем идет речь. Я очень склонен думать, что очень немногие из них читают по-гречески и по-латински, что очень немногие из них знают Канта, Гераклита и Декарта. Другие же читатели едва ли смогут догадаться, с чем пишет Волин. Для большинства из них вопросы философии являются, быть может, какой то китайской азбукой. Впрочем, догадываются читатели о чем пишет Волин или же недогадываются, — это меня несколько не касается. Я полагаю, что я имел полное право высказать свое мнение о статье Волина. Это я и сделал. Читатели здесь не причем. Читатели есть читатели, а мое мнение есть мое мнение. Вепи, ка-

жестя, совершенно разные.

В статье Волина есть одна мысль, которую можно назвать отчасти его мыслью: это его синтез. Строго говоря, и эта мысль — старая. Но я об этом не писал и не намерен был писать. Этот вопрос — вопрос пустячный. И я не знаю, разумеется, чем руководствовался Волин, когда он излагал все эти мысли и учения; незнанием или какой то демагогией, о которой, впрочем, я совсем не говорил. Этого я не хотел и не хочу знать. Я считаю только с фактами. Всякие подозрения мне совершенно чужды.

И когда Волин заявляет, что он никогда не подвергал критике анархические принципы и идеалы, что он не касался никогда вопросов этики, что он не претендовал на изложение нового учения, что он нигде не говорил читателям о научном и философском обосновании анархизма, что он нигде не претендовал на построение новой системы, я в этом случае не знаю, как ответить Волину. Если от всего этого Волин сейчас отказывается, тогда передо мною появляется следующий вопрос: о чем же писал Волин? Писал из за любви к искусству? Занимался в самом деле только словесной гимнастикой? Все это мне совершенно не понятно. Если он ни о чем не писал, тогда он прав, конечно, когда говорит мне, что моя "тяжелая артиллерия" бьет мимо цели. С этим согласен в этом случае и я: я был уверен, что передо мною имеется некая цель, имеется нечто реальное, но все это в действительности оказалось только каким то миражем. И мне пришлось стрелять, таким образом, только в пустое пространство.

Впрочем, все это не так. Передо мною не было этого пустого пространства; передо мною была некая реальность. Когда Волин писал свою статью, он очевидно нечто утверждал: наряду с этим Волин и отрицал также нечто. Законы логики ведь таковы, что отрицание предполагает утверждение, а утверждение предполагает отрицание. Нечего, следовательно, заявлять Волину, что он ничего не отрицал и ничего не утверждал. Нельзя допустить мысли, чтобы Волин не знал этих простых законов логики. В противном случае его писания являлись бы только набором слов. Но все это не так, конечно. В

его статьях имеется и отрицание, имеется и утверждение. В других местах Волин указывает постоянно на несостоятельность современного анархического учения; анархизм для него еще не обоснованная научно система; во всех писаниях своих он проповедует какую то синтетическую теорию (надо думать, что научную) и все же заявляет почему то, что он не отрицает ничего и ничего не утверждает. Все это, конечно, не серьезные суждения. Так можно писать лишь в том случае, если человеку хочется просто отделаться от надоевших ему "критиков". Не все ли равно, в сущности, что им сказать? Вполне понятно, следовательно, почему и Волин заявляет, что он ни о чем не писал, и что мои суждения к нему совсем и не относятся.

Я не знаю также и того, трагически ли Волин вопрошал о истине, хотелось ли ему жаловаться на текучесть бытия, хотелось ли ему "пускать пыль в глаза читателям", хотелось ли ему ридиться в тогу софиста? Желания человека ко мне не относятся. Ко мне относятся только то, что есть в действительности. И вся моя "тяжелая артиллерия философии" сводилась не к критике желаний и намерений Волина, а к критике действительности, к критике высказанных мыслей.

Что касается знания слова "синтез" то я должен сказать на это, что оно употребляется именно в смысле логическом или диалектическом (не говоря, конечно, о химическом его значении). Если же оно употребляется в других смыслах, то это есть лишь обывательское и примитивное понимание синтеза. И если Волин называет синтезом "обобщение" и "гармоническое сочетание разрозненных явлений и понятий", такое понимание синтеза есть обывательское понимание. Но это не есть синтез. Науку и философию еще возможно синтезировать. Но здесь возможно только синтезирование. Но даже в этой области совсем немислим синтез. Синтезирование и синтез — понятия разные. И очень жаль, конечно, если Волин думает, что это — одно и то же. Что же касается других явлений, явлений, скажем, социально-политических, то всякое "обобщение" этих явлений нельзя назвать даже и синтезированием. Это "обобщение" будет являть-

ся лишь произвольным смешиванием разных вещей и понятий. И само собою разумеется, что результатом этого "обобщения" будет не гармония, а лишь искусственно произведенный хаос. Не все явления, ведь, поддаются гармоническому обобщению. В склеивании различных черепков я вижу не синтез и не гармоническое обобщение их, а самую бессмысленную работу. Этой работой может заниматься только тот, кто не в состоянии создать ничего целого и нового. Эту работу, видимо, и исполняет Волин. И хуже всего то, что эти кучи разных черепков он называет синтезом. Свое же смешивание и склеивание их он называет теорией синтеза. Если бы он сознался в этом раньше, о всей этой теории никто не стал бы, разумеется, и разговаривать. И пусть себе он занимался бы игрой в эти черепки. Но раньше все это представлялось чем-то более серьезным. Теперь же оказалось, что не только его философия, но даже вся его теория синтеза была лишь платьем андерсеновского короля. Все его подданные думали, что у короля какое-то волшебное платье, а этот король-то оказался голым...

Об искании истины можно сказать следующее. Если Волин только констатирует истину, а не оправдывает и не принимает ее, тогда и все искания ее являются бессмысленными. И все искания ее будут являться в данном случае уже не внутренней необходимостью, а лишь исканием ее из за любви к искусству. Истину нельзя называть только фактом или же "вещью в себе". В истине есть нечто безусловно должное. Истину мы не можем отрицать. Если же мы отрицаем и не принимаем истину, она для нас не истина. В этом вопросе как раз и смешиваются две проблемы: проблема сущаго с проблемой должного. Но Волин думает, повидимому, иначе. Проблему истины он очевидно сравнивает с проблемой этики, где можно отделать вопросы сущаго от всех вопросов должного. Он думает, повидимому, что это же разграничение возможно и в вопросах истины. Не даром он обрушился даже на Гегеля, что тот смешал проблему сущаго с проблемой должного. И когда Волин проводит эти

же разграничения в вопросах истины, вся его истина оказывается мифом. Он констатирует и отрицает истину. Это и в самом деле возможно может быть для Волина. Ни для кого другого это невозможно. Мы не можем отрицать истину. Отрицанием истины мы утверждаем неистину. И если мы иногда ничем или создаем истину, все это делаем мы ради принятия ее и ради ее утверждения. Если же истина будет только сущим, а не должным, она не будет для нас истиной. Она будет только каким-то "куском жизни". Вот в этих-то кусках жизни нельзя смешивать вопросы сущаго с вопросами должного. Но это не имеет отношения к понятию истины. И если Волин упрекнул меня в смешивании двух этих понятий, я склонен думать в этом случае, что о природе истины он просто не подумал.

Нравственный абсолют и абсолют вообще для меня тесно связаны с понятием истины. Если же эти понятия не имеют ничего общего с истиной, тогда в основу этой истины положено — ничто.

Еще несколько слов о заключении статьи Волина. Это заключение меня не может оскорбить. Мне только очень жаль, что Волин так компрометирует себя подобными унижительными для человека писаниями. Теряет всю свою серьезность и начинает заниматься какими-то жалкими вымыслами. Это, ведь, очень унижает человека; подобные писания делают человека смешным. Я никогда не мог допустить мысли, что Волин может опуститься в такие грязные низины. Он говорит еще после этого, что я желаю дискредитировать и опорочить его имя. Наоборот, мне хотелось бы сейчас очистить Волина от всей этой грязи, в которую он окунулся, но я все больше убеждаюсь в том, что ему нравится это нравственное болото, и что в этом болоте Волин купается совершенно сознательно. И заключение его статьи вызывает во мне только чувства сожаления... Ничего другого я и не могу сказать об этом заключении.

Антильские острова.

Август, 1924.

Дельта.